

5

ПЯТЫЙ РИМ

ДОСТУПНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

№ 3

УСМИРЕНИЕ КИТАЯ 1900

ДОСТУПНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

УСМИРЕНИЕ КИТАЯ

1900

ПЯТЫЙ РИМ
МОСКВА
2018

УДК 327.5
ББК 63.3(2)53
У 75

Оформление переплета М. Левыкина

У 75 Усмирение Китая. 1900. — М.: Издательство «Пятый Рим» (ООО «Бестселлер»), 2018. — 784 с. — (Доступная историческая библиотека).

ISBN 978-5-9500936-1-6

В 1900 году Россия, совместно с другими великими державами, участвовала в подавлении «боксерского восстания» в Китае, фактически в одной из первых «полицейских войн». В этой книге «встретились» две работы свидетелей событий. Дмитрий Янчевецкий написал свою самую знаменитую книгу «У стен недвижного Китая» по горячим следам. Его оппонент, Борис «Рустам-Бек» Тагеев, издал «Корень зла» в Париже, в 1909 году. Янчевецкий изложил историю разгрома Китая с ура-патриотических позиций, а эмигрант Тагеев раскритиковал царскую дальневосточную политику, которая привела к поражению в русско-японской войне. Современный читатель впервые может увидеть историю усмирения Китая глазами людей, которые, мягко говоря, не симпатизировали друг другу. Это дает шанс оценить давнюю историю с максимальной объективностью.

УДК 327.5
ББК 63.3(2)53

ISBN 978-5-9500936-1-6

© Издательство «Пятый Рим»™, 2018
© ООО «Бестселлер», 2018

ПРЕДИСЛОВИЕ

Заходишь в книжный магазин, забитый литературой, и стоишь в неведении, не понимая, что купить. Ради чего стоит пожертвовать кровно заработанными деньгами и местом на полке (которого давно нет), а ради чего не стоит?

Лично я отдаю предпочтение источникам — сборникам документов, дневникам, свидетельствам современников. Особенно если они издаются впервые за много лет и не слишком известны, а значит, могут содержать что-то новое или, по крайней мере, нерасхожее. Тем более если они издаются впервые и/или снабжены научным аппаратом, а не выглядят пиратско-халтурным изданием. Книга, которую вы держите в руках, — вы правильно сделали, что сняли ее с полки и открыли! — является ценным историческим источником и не лишена литературных достоинств (это относится к обоим авторам!). Она качественно подготовлена, с ней можно работать и читать просто так.

Но можно ли верить тому, что в ней говорится?

О каких бы исторических событиях ни шла речь, всегда хорошо, когда есть возможность взглянуть на них со многих сторон, выслушать показания или версии как можно большего количества участников и свидетелей.

О войнах, походах, завоеваниях обычно пишут и победители, и проигравшие, если таковые уцелели. Победители всегда хвалят себя, нередко чернят проигравших (умные хвалят, ибо победить достойного и сильного противника — вдвойне доблесть), а также прикрывают свои неприглядные поступки, без которых на войне не обходится никто. Дескать, «победителей не судят». И вообще «горе побежденным».

Проигравшие, как правило, оправдывают себя и свои действия, возлагая всю вину за неуспех на начальство, особенно если того уже нет на свете. А также стараются показать, что победители тоже не без греха и зачастую сами виноваты в том, в чем обвиняли или упрекали проигравших.

Есть еще одна категория — недовольные или разочарованные: эмигранты, перебежчики, диссиденты. Вне зависимости от принадлежности к победившей стороне или проигравшей они только разоблачают — как правило, бывших начальников и покровителей, нередко простых сослуживцев, а также противника. Если только не перебежали прямо под крыло к этому самому противнику.

Любитель истории и опытный читатель мемуаристики без труда приведет примеры первой, второй и третьей категории применительно к тем событиям, эпохам или странам, которыми интересуется.

И снова вечный вопрос: кому верить? Попробуем задать его методологически.

Победителям на войне всегда есть что скрывать. Не обязательно нечто постыдное и ужасное, но то, что не вписывается в общую благостную картину или противоречит указаниям свыше.

Проигравшим тоже есть что скрывать — хотя бы неудобные для них причины своего поражения.

Значит, правду говорят только диссиденты, которым нечего бояться? Движимы ли они благородными побуждениями или шкурными интересами, но им больше нечего скрывать? От кого, как не от них, можно узнать «всю правду»...

Ох уж эта «вся правда», которую читатель подсознательно продолжает искать... Не существует в природе таких книг, в которых была бы «вся правда». Или даже «всё правда». Правда рассеяна по крупичкам — когда размером побольше, когда поменьше, — которые есть и у победителей, и у проигравших, и у недовольных. Но совершенно не обязательно, что у последних ее больше.

Никто из пишущих о войне или политике не бывает не то что объективен, а просто бескорыстен. Официальный журналист Дмитрий Янчевецкий воспевал славу русского оружия не просто за жалованье, но искренне. Он играл по правилам, но делал это по совести и сознательно, причем много лет. И пользовался хорошей репутацией — за исключением крайних политических противников слева.

Авантюрист Борис Тагеев («Википедия» по праву именуется им таким), он же Рустам-Бек, имел худшую репутацию, чем уважаемый Янчевецкий, даже если абстрагироваться от политических взглядов. В его жизни были плен и сотрудничество с политическим эмигрантом Николаем Русселем-Судзиловским (которого тоже можно по праву назвать авантюристом), разоблачительная журналистика, бегство с чужим паспортом, «увод» чужой жены... Если и «герой», то явно не для всех.

Влияет ли это на качество их книг? Рискну сказать — нет. Перед нами два отличных знатока «матчасти», два очевидца и два талантливых литератора. Просто на одни и те же явления и события они смотрят по-разному, исходя из разности, может, не столько мировоззрения, сколько целеполагания.

Янчевецкий старался видеть и описать хорошее — «первые труды русских по восстановлению в Маньчжурии порядка, законности и спокойствия». Было такое? Было. Тагеев, напротив, старался видеть и описать плохое — «возмутительные грандиозные хищения и произвол административных лиц», прикрытием которых были «всевозможные ложные донесения, дутые репортажи, ряд сфабрикованных, далеких от истины, отчетов и статистических данных». Было такое? Было.

Мотивы обоих авторов очевидны. Об этом надо помнить, читая их тексты. Было не только то, что описывал Янчевецкий, но и то, что описывал Тагеев, — и наоборот. Не вдаваясь в подробности, замечу все же, что Тагееву я верю меньше. Почему? Слишком много пафоса в его книге, слишком много надрыва. Картина, нарисованная одной черной краской, —

ПРЕДИСЛОВИЕ

не обязательно китайская картина тушью, это уже ближе к «Черному квадрату».

Прочитать стоит и Янчевецкого, и Тагеева, благо они удачно собраны под одной обложкой. А потом — ведь если вы их прочитали, значит, тема вам интересна, — стоит сравнить прочитанное с работами исследователей, изучивших значительно более широкий круг источников. Наверняка оба где-то не договаривают, что-то скрывают, а то и прямо врут, но чем больше свидетельских показаний, даже радикально различающихся между собой, тем более многоплановой, многомерной предстает картина прошлого. Раз мы читаем такие книги, значит, оно нам не безразлично.

И последний момент — опасность смотреть на писания более чем вековой давности, исходя из сегодняшней политической конъюнктуры. Для советского времени Янчевецкий был неприемлем как апологет русского милитаризма и колониализма. Поэтому его не издавали, да и нечасто цитировали, поскольку участие России в подавлении восстания ихэтуаней не относилось к числу тем, изучение которых поощрялось. С другой стороны, Тагеев сейчас может показаться русофобом, и кто-нибудь задаст вопрос: зачем его издавать?! В обоих случаях такой подход глубоко антиисторичен и потому неверен.

В разное время эти книги скрывали от читателя по политическим причинам. Теперь они перед вами — читайте, сравнивайте, думайте, делайте выводы... и просто получайте удовольствие. А потом задумайтесь над такими словами: «И не будет ли через несколько веков (а может и десятилетий) вопрос о победителе поставлен по-другому: игру в Китае выиграл Китай — а вот кому удалось ее не проиграть?» Потому что, видимо, так оно и будет.

*Василий Молодяков,
доктор политических наук*

Д. Г. Янчевецкий

**У СТЕН
НЕДВИЖНОГО
КИТАЯ**

ДНЕВНИК КОРРЕСПОНДЕНТА «НОВОГО КРАЯ»
НА ТЕАТРЕ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ
В КИТАЕ В 1900 ГОДУ

ОТ ИЗДАТЕЛЯ

Император Петр Великий, основав Санкт-Петербург у берегов Балтийского моря, прорубил для России окно в Европу и дал ей выход на простор Атлантического океана, но проникновенный взор Великого Преобразователя уже тогда устремлялся на Восток.

В царствование Государя Императора Николая II Россия открыла себе широкие двери и на Восток к Тихому океану — занятием Порт-Артура, на берегах Желтого моря, в 1898 году.

Постройка Великого Сибирского железнодорожного пути и Маньчжурской железной дороги сковала Порт-Артур с Петербургом непрерывной цепью рельс и, соединив берега двух океанов, положила начало новой истории для Восточной России и Северного Китая.

Не успели русские устроить свою новую колонию на Квантуне, как неожиданно грянуло восстание боксеров, потрясшее весь Север Китая и Маньчжурию, и русские войска впервые появились «у стен недвижимого Китая» — в Таку, Тяньцзине, Пекине и Мукдене.

В книге «У стен недвижимого Китая» автор дает, в большинстве случаев как очевидец, описание военных действий русских и союзных войск, спасавших европейцев из очага восстания боксеров. Таким образом в настоящем издании нашли себе место живые картины: штурма фортов Таку, экспедиции адмирала Сеймура, эпопеи Тяньцзинской осады, соединенного похода международных войск на Пекин, завершившегося занятием столицы Богдыхана,

при штурме которой автор был проводником русского передового отряда.

Для умирения Маньчжурии и спасения Маньчжурской железной дороги Россия была вынуждена занять своими войсками Маньчжурию и ее столицу — Мукден.

В книге дано описание похода на Мукден и изложены первые труды русских по восстановлению в Маньчжурии порядка, законности и спокойствия.

Спешно написанные при боевой обстановке отрывочные корреспонденции, помещенные в 1900 году на страницах «Нового края», приведены ныне автором в стройную систему: путем введения вновь написанных глав установлена связь событий, самые же события получили должное освещение. Таким образом перед читающей публикой впервые появляется законченный исторический очерк событий боксерского восстания в Китае с момента их возникновения и со всеми их последствиями для России до настоящего времени.

Мы почти не знаем, что делается за многовековыми стенами издавна уединившегося и ныне растревоженного Европою Китая. А между тем из всех государств, граничащих с Россией, Китай является нашим главным и древнейшим соседом: мы имеем общую пограничную линию на протяжении 9000 верст от Ташкента до Владивостока. Добрые отношения между Россией и Китаем, 200 лет не омрачавшиеся ни одною войною, с каждым днем становятся более тесными, разнообразными и сложными. Будем надеяться, что эти связи останутся неизменно дружественными для блага обоих великих соседних народов.

П. А. Артемьев

ОТ АВТОРА

Широкое содействие, оказанное моему труду Главным начальником Квантунской области генерал-адъютантом Е. И. Алексеевым, дало возможность этой книге появиться на свет в том виде и в тех размерах, в каких она была задумана автором, желавшим дать описание блестящей деятельности русских на Дальнем Востоке в пору испытаний.

Два образованнейших китайца — компрадор Русско-Китайского банка в Порт-Артуре г. Фон Вай Хин и г. Ливачан, вполне сочувствуя изданию книги, написанной в духе вековой русско-китайской дружбы, оказали щедрую материальную поддержку в самом начале издания.

Следующие лица любезно предоставили в распоряжение автора свои коллекции фотографий, снятых во время военных действий в Китае: доктор И. В. Падлевский, сестра милосердия Люси Пюи-Мутрэйль, подполковник 11-го Восточно-Сибирского стрелкового полка Муравьев, фотограф В. С. Мацкевич, капитан Мошинский, поручик Люпов, лейтенант Родионов, лейтенант Бурхановский, консул А. Н. Островерхов, вице-консул П. Г. Тидеман, инженер В. К. Якобсон, Н. К. Эльтеков и др., — которым автор выражает глубокую благодарность.

Из всех книг, посвященных иностранными авторами китайской войне 1900 года, выдающимся явилось сочинение английского корреспондента Генри Сэвэдж-Лэндора «China and the Allies», роскошно изданное в Лондоне и дающее наиболее точную и беспристрастную хронику собы-

тий. Для русских читателей эта книга интересна тем, что ее автор подробно и весьма сочувственно описывает труды и значение русских в этой войне.

С любезного согласия г. Лэндора наиболее интересные иллюстрации его издания помещены также в моей книге.

В русской литературе появились обстоятельные сочинения капитана А. В. Полторацкого, капитана К. К. Кушакова, ротмистра Ю. Л. Ельца, доктора В. Н. Корсакова и — замечательный труд молодого профессора Владивостокского Института Восточных языков А. В. Рудакова «Общество Ихэтуань», представляющий не только в России, но и за границей первое научное исследование вопроса о боксерах в Китае. Указанные сочинения послужили мне материалами при обработке моего дневника.

Книга «У стен недвижного Китая» не лишена многих пробелов и недочетов, за которые автора извинит китайское изречение:

«В книге не скажешь всех слов — словами не скажешь всех мыслей».

Дмитрий Янчевецкий
С.-Петербург, 1902 г.

Деятелям вековой Русско-Китайской дружбы —
Русским и Китайцам посвящается эта книга.

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ

ТЯНЬЦЗИН

БАЛ В ПОРТ-АРТУРЕ

14 мая 1900 года

В воскресенье 14 мая¹ 1900 г. вице-адмирал Евгений Иванович Алексеев, за пять месяцев перед тем вступивший в управление Квантунской областью и командование войсками и эскадрой, давал первый бал порт-артурскому обществу.

Это был чудный бал на берегах Тихого океана... Молодость и красота, чины и заслуги Порт-Артура, Дальнего и Талиенвана веселились в живой панораме туалетов всех цветов радуги, смеющихся лиц, пронизывающих взглядов и прекрасных плеч, в волнах неумолкаемых ласкающих звуков и в лучах электрических линий...

Единственное украшение и утешение Квантуна — наши дамы явились в нарядном убранстве, в котором вкус спорил с оригинальностью. Были показаны самые последние моды Парижа, для чего были опустошены все магазины Артура. На элегантных костюмах дам было, кажется, больше цветов, чем растительности на всем Квантуне, и, наверное, больше бриллиантов, драгоценных камней и золота, чем в Золотой горе.

¹ Здесь и далее, за исключением особо оговоренных случаев, все даты приводятся по старому стилю.

Я любовался на трех изящных граций, которые были одеты в одинаковые антично-простые костюмы и переносили меня в мир Эллады и муз.

Я видел перед собою воздушный туалет томных и неуволвимых цветов, как вечер в Нагасаки; или черный туалет таинственный и непроницаемый, как тропическая ночь; или великолепный алый костюм цвета самой бурной страсти или артурского зноя. Предо мной витал прелестный наряд, усыпанный незабудками, голубой цвет которого напоминал небо Японии; или строго выдержанный наряд в розах, с нежными красками которого не могла бы сравниться Квантунская весна. Для передачи этого красивого миража, в который сумели облечься порт-артурские дамы с помощью своих китайских портных, — у меня не хватает ни слов, ни умения.

Тем более я не нахожу в себе никаких способностей для описания наружности, грации и чарующей любезности муз и терпсихор Ляодунского полуострова, прекрасных, как японские розы и китайские неньюфары.

На балу присутствовали среди гостей: начальник Тихоокеанской эскадры вице-адмирал Гильтебрандт, младший флагман контр-адмирал Веселаго, командир порта контр-адмирал Старк, генерал-майор Стессель, Порт-Артурский окружной суд в полном составе, начальники отдельных частей и управлений. Кроме того, главным начальником края были приглашены на бал все кают-компании и офицеры всех частей, с их супругами, представители гражданских, городских и коммерческих учреждений и др.

Зал, гостиная и буфет блистали электричеством и оживленным обществом. Были гости из других городов. Между прочим, был талантливый гость из Кореи А. И. Павлов, занимающий там весьма ответственный дипломатический пост и получивший первый закал еще на палубе русского военного корабля для несения трудной службы в горниле Дальнего Востока.

Представительницей соседнего с Артуром города Чифу явилась прекрасная американка с черными глазами, в голубом платье, приятный цвет которого был чище и нежнее волн Печилийского залива, доставивших эту гостью на бал.

Мужчины всех форм и родов оружия, включая несколько меланхолических фраков, говорили дамам остроумнейшие слова, в которых было не меньше соли, чем в Бицзывоских соляных варницах, и тончайшие и деликатнейшие комплименты, не уступая в любезности самым ученым китайским мандаринам, которые также не были забыты внимательным хозяином бала и присутствовали на балу во главе с вновь пожалованный китайским генералом Тифонтаем, в дорогих шелках самых удивительных цветов и узоров.

Был старший механик Хо, старшина китайских купцов Фан, компрадор Русско-Китайского банка Фон и другие.

Хозяин праздника принимал гостей с искренним радушием русского боярина и никого не забывал своим вниманием.

Молодежь танцевала с увлечением.

Не танцующие либо разместились в гостиной и буфете, где прохлаждающие напитки, вино и шампанское лились тропическим ливнем, либо укрылись в палатке, растянута в саду за единственными вечнозелеными полями Квантуна — карточными.

Из зала, по искусственной галерее из флагов, гости выходили в фантастический сад, сверкавший тысячами фонарей и электрических лампочек, которые причудливыми линиями извивались по аллеям, между цветов, на деревьях, отражались в пруду и освещали уединенные беседки для уединенных бесед. Чудно был иллюминирован «грот нежных вздохов и невольных признаний».

Тихая ночь, сад, усыпанный звездами электрических огней, гуляющие нарядные пары, звуки музыки, разнообраз-

ное общество, общее оживление и веселье — все сливалось в феерическую картину, которая происходила не в окрестностях Петербурга или Москвы, но в 10 000 верст от них, на конце пустынного и полудикого Ляодунского полуострова, у волн Тихого океана.

На этом балу были получены тревожные телеграммы из Пекина и Тяньцзина.

— Скажите, пожалуйста, — обратился я к одному молодому иностранному дипломату, бывшему проездом из Пекина, — что такое там у вас в Китае происходит? Около Пекина боксеры напали на китайцев-христиан и сожгли их вместе с храмом. В Вэйхайвэе китайцы напали на английских офицеров и двух ранили. Что это значит?

— Это совершенно ничего не значит, — ответил дипломат, — в Китае подобные беспорядки происходят каждый год в какой-нибудь из провинций, и если им придавать значение, то в таком случае нам пришлось бы оккупировать Китай и держать в нем международную армию в несколько миллионов штыков во всех городах. Наш дипломатический корпус в Пекине никогда не обращает никакого внимания на все эти возмущения. Эти беспорядки в порядке вещей. Теперь в Пекине дипломаты гораздо более интересуются любительскими спектаклями и весенними скачками. А посланники собираются выезжать на дачу в Пэйтахо.

— Ну, а если события усложнятся? — полюбопытствовал я.

— Тогда адмиралы сделают морскую демонстрацию в Таку и вышлют интернациональный десант, который сделает веселую военную прогулку в Пекин. Мы устроим им торжественную встречу с музыкой и шампанским. Офицеров пригласим в число членов нашего клуба и будем с ними все лето играть в теннис. Осенью десант вернется на суда, и инцидент окончится так же, как он оканчивался раньше.

— Ну, а ваше мнение о нынешних китайских беспорядках? — спросил я знатного китайца-коммерсанта в длинном одеянии из тончайшего шелка бирюзового цвета.

— Какие китайские беспорядки? — переспросил он.

— Те, что теперь происходят в Печилийской провинции.

— Это другая провинция, которая нас не касается, — ответил коротко китаец.

Этот волшебный бал закончился красивым котильоном¹, программа которого делает честь его устроителям и дирижерам, выказавшим изобретательность и удивительную неутомимость во время танцев.

В продолжение котильона от имени хозяина праздника дамам были поднесены на память, кроме разных котильонных значков, лент с надписями, вееров с вышитыми русскими военными флагами, изящные золотые сувениры, в виде морских атрибутов, кортиков, палашей, якорей и т. д.

Последняя фигура котильона была самая эффектная — битва конфетти, в которой и дамы и кавалеры принимали самое горячее участие и усердно обсыпали друг друга импровизированным снегом, и могли спастись только с помощью изящных зонтиков, любезно поднесенных дамам. Еще ни разу на Квантуне не выпадало так много снега, как на этом балу. А большой снег, по китайской примете, хорошее предзнаменование. Увы! ему не суждено было сбыться.

¹ Танец-игра, танцевался на мотив вальса, польки или мазурки. Ведущие совершали по залу тур вальса, после чего кавалер оставлял даму в центре зала, выбирал среди танцоров еще двух кавалеров, вместе с которыми составлял круг возле дамы. Дама должна была выбрать себе партнера для следующей фигуры. Котильон предоставлял танцующим множество возможностей для флирта, решительного объяснения и потому был любимейшим из бальных танцев. Одним из элементов котильона является известная детская игра «ручеек».

При звуках прощального вальса, среди снега и цветов, общее оживление достигло высшего напряжения, пары стали кружиться если не с быстротой тайфуна, то со скоростью маньчжурских поездов, причем, конечно, не обошлось без столкновений, кончавшихся, впрочем, как всегда, благополучно.

К сожалению, «где есть начало — там непременно есть и конец» — как говорит китайская поговорка.

В 4 часа утра, когда уже светало, гости стали расходиться и разъезжаться, прощаясь с гостеприимным хозяином, и поэтический бал на берегах Тихого океана кончился.

Ничто но предвещало грозы, которая разразилась через три недели. Неужели эти статные моряки и стрелки, сверкавшие на балу молодостью и здоровьем, не предчувствовали, что через три недели им придется день и ночь биться около Тяньцзиньского вокзала и изнемогать от жары, голода, жажды и бессилия.

Неужели сердце не подсказало одной из этих изящных граций в нежно-розовом газе, которая беззаботно порхала в вальсе и сияла своими чарующими улыбающимися глазами, что только через три недели она наденет черное платье горя и слез и будет убиваться по своему безвременно убитом юном герое.

18 мая

Из Пекина получено известие, что боксеры разрушают полотно железной дороги на Ханькоу, жгут станции и осадили французских и бельгийских инженеров.

Посланники потребовали десант для охраны миссий. 16 мая наши суда «Сисой Великий», «Дмитрий Донской», «Кореец», «Гремящий», «Гайдамак» и «Всадник» ушли из Порт-Артура в Таку под флагом контр-адмирала Весе-

лаго. С судов отправлен десант из 72 матросов, под командою офицеров Радена и Дена, которые прибыли в Пекин 18 мая.

В Тяньцзин посланы 25 казаков с сотником Семеновым. «Гайдамак», «Всадник» и миноноски будут поддерживать почтовое сообщение между Порт-Артуром и Таку.

В Артуре ходят разные слухи. Военные предсказывают, что они скоро будут брать Пекин, и говорят, что если им прикажут, то они завоюют Маньчжурию и весь Китай.

21 мая

Сегодня в Пушкинской русско-китайской школе торжественно окончили учебный год. Эта школа, в которой я учил русскому языку около сотни китайцев, от мала до велика, была одним из лучших памятников деятельности ее основателя — бывшего начальника Квантунского полуострова генерала Суботича. Адмиралом Алексеевым она была преобразована и расширена.

На молебен в школу приехал адмирал Алексеев, только что получивший снова несколько тревожных телеграмм из Тяньцзина. По окончании молебна, прощаясь с китайскими учениками, он обратился ко мне:

— Не хотите ли поехать в Тяньцзин и Пекин и узнать, что там такое происходит?

— Слушаюсь. Когда прикажете выехать?

— Вы поедете сегодня вечером на военном судне, как корреспондент «Нового края».

— Слушаюсь, я готов.

Когда адмирал сел в экипаж, китайцы выбежали на улицу и старательно кричали ура вслед русскому цзянцзюню.

Я собрал своих учеников и сказал им несколько прощальных слов по-китайски:

— Прощайте, ученики. Будьте здоровы, отдыхайте и через два месяца возвращайтесь снова в школу! Вы, может быть, слышали, что теперь вокруг Пекина ихэтуань-боксеры производят большие беспорядки. Помните, что если что-нибудь с вами случится, то самую надежную защиту и покой вы найдете только в Порт-Артуре у русских. Прощайте, дети! Осенью мы с вами увидимся опять.

— До свидания! До свидания! — закричали дети по-русски.

Увы! этих милых доверчивых детей мне более не суждено было видеть.

Я простился с редактором порт-артурской газеты «Новый край» подполковником Артемьевым, у которого состоял помощником, и стал готовиться к отъезду. Вечером я навестил моих друзей-китайцев, которые дали мне рекомендательные письма в Тяньцзин и Пекин. Дипломатический чиновник, состоящий при адмирале Алексееве, И. Я. Коростовец любезно дал мне рекомендательные письма в русскую миссию в Пекине.

Отход «Гайдамака» в Таку был назначен на другой день в 6 часов утра.

ТАКУ

22 мая

Хронометры, артиллеристы и моряки, как известно, отличаются одинаковой точностью и аккуратностью. Поэтому, когда я с легким походным багажом был в 6 часов утра доставлен проворным перевозчиком-джинрикшей на набережную бассейна военных судов, минный крейсер «Гайдамак» уже снялся с якоря и выходил из гавани.

Я прыгнул в шампунку — ялик, и китаец-шампунщик, быстро и ловко ворочая одним веслом, укрепленным веревкой на корме шампунки, повез на встречу выходящему крейсеру.

Матросы спустили трап и уже на ходу судна приняли меня на борт. Я представился командиру капитану 2-го ранга Соболеву и познакомился с офицерами.

Жаркое сверкающее утро. Синие воды еще не проснулись и чуть бороздились набегающими струйками сонного ветра. Но гавань уже очнулась. На пароходах под разными флагами уже стучали и визжали лебедки. Кричали матросы. Китайцы-мореходы на расписных крутобоких джонках-шаландах, с поднятыми кверху кормами и носами, с красными трепещущими флажками на мачтах, дружно поднимали рыжий промасленный парус и с каждым подъемом хором вскрикивали. С западной стороны бассейна, где находится пристань морского пароходства и вокзал строящейся Маньчжурской железной дороги, доносился лязг стучающихся вагонов и свистки первых вестников цивилизации в Маньчжурии — паровозов.

Прямо против узкого прохода в море над городом подымалась Яшмовая гора, красивая и стройная, как грудь женщины. По странному недоразумению французы, а затем русские, вопреки изящному китайскому названию Бай-Юй-Шань, «Белояшмовая гора», стали ее называть Перепелочной, хотя на ней давно нет никаких перепелок, как нет, впрочем, и яшмы.

Два белых остроконечных камня на горе, поставленные один выше другого, указывают судам створ, по которому они должны входить в гавань в узком проходе, между Тигровым хвостом и Золотой горой.

Этим проходом мы выходим в море. Направо и налево торчат острые красные слоистые скалы, выпертые со дна моря вулканическими потрясениями. Направо и налево батареи. У молчаливых, но грозно глазающих орудий, под деревянными зонтиками, стоят часовые с обнаженными шашками и посматривают на проходящее судно.

Трехплечая или треххолмная Золотая гора, китайская «Хуан-Цзинь-Шань», высоко уходя к небу, расставила над городом свои надежные каменные объятия. В течение многих веков разные народы хозяйничали на этой горе: китайцы, чжурчжени, монголы, маньчжуры и японцы. Теперь ею командуют русские и ее утесы и скрытые в них батареи являются верной защитой для разбросанного внизу юного русского города.

Будем надеяться, что, когда пробьет роковой час, Золотая гора в Порт-Артуре узнает участь не менее славную, но более счастливую, чем Малахов курган в Севастополе.

Мы вышли из прохода на рейд, где стояли два корабля: стройный двухтрубный «Адмирал Корнилов» и величественная великолепная «Россия», красивая эмблема славы и силы своего государства. Ее четыре громадные трубы напомнили мне о тех четырех странах света, по которым необъятная и неудержимая Россия шире и могущественнее

раздвинулась за одну тысячу лет своей истории, чем другие государства за несколько тысячелетий своей жизни.

Мы быстро идем в море, на юго-запад, в Таку. Берег долго виден. Тянется пустынный, зазубренный, с желтыми скалами, едва окрашенными чахлой травкой, Тигровый хвост, пригвожденный на конце белым маяком, — и последний уголок России на азиатском материке скрылся в голубой дали.

Кругом ясное небо. Теплый воздух. Чем ближе мы подходим к берегам Чилийской провинции, тем более мутнеют бирюзовые волны Чилийского залива, смешиваясь с илом, который веками выбрасывают реки великой китайской равнины — Желтая, Белая и Ляо: по-китайски Хуанхэ, Байхэ и Лаохэ.

В 11 часов утра в кают-компанию подали завтрак. Старший офицер лейтенант, князь Кр^{***1}, остроумный и интересный собеседник, философски настроенный, жаловался:

— Знаете ли вы, корреспондент, что такое служба на минном крейсере, на котором вы теперь идете? Знаете ли вы, что наша служба на этом почтово-пассажирском пароходе самая трудная, беспокойная, ответственная и самая неблагодарная, чем на всех других судах эскадры? Мы не имеем ни дня, ни ночи спокойной, потому что каждую минуту нас могут послать из Артура в Таку и из Таку в Артур с почтой и пакетами чрезвычайной важности. Если нужно кого-нибудь или что-нибудь перевезти, посылают нас. Если боксеры уничтожат телеграф в Тонку, что весьма вероятно, то наши крейсера будут главной связью между эскадрой, десантом и Артуром. От своевременной передачи нами экстренной депеши может зависеть участь целого

¹ Имеется в виду лейтенант Сергей Петрович Крапоткин. Вскоре после описанного разговора он был переведен на броненосец «Сисой Великий» и принимал участие в блокаде Таку.

отряда. Когда мы в ходу, мы не можем иметь никакого спокойствия: вы видите, как нас качает.

Точно в подтверждение слов лейтенанта, «Гайдамак» стал усиленно раскачиваться на Печилийских волнах. Суп начал плескаться в тарелках.

— Когда же мы стоим на этом суденышке в Таку, — продолжал старший офицер, — так это истинное мучение. Вода в Такуском рейде ничем не защищена от ветров и вечно болтается. Нельзя принять ни одного положения, допускаемого вашим телом, чтобы это было для вас удобно. Нельзя ни сидеть, ни лежать, ни спать, ни стоять. Вас подбрасывает во все стороны. Нельзя же в самом деле все время ходить, балансируя по палубе, как акробат по канату. А между тем, как ни стараться, на нашей трудной, черной, неэффективной и неблагодарной службе нельзя заработать Георгия. Это не крепости брать, хотя каждый из нас сумеет это сделать нисколько не хуже, чем всякий другой офицер. И так мы будем болтаться и терзаться целое лето, пока не окончится вся эта китайская комедия.

— Но как бы эта комедия не превратилась в трагедию? — заметил я.

— Тем лучше. И тем больше шансов для нас встретиться с каким-нибудь неприятельским судном и пустить его на воздух, если, конечно, мы не взлетим раньше сами.

«Гайдамак» быстро шел на запад, делая по 15 миль в час.

К вечеру ветер усилился. Бурные волны со свистом и завыванием бросались на судно, то нагоняли, то опережали его, то кидали из стороны в сторону и снопом брызг обливали его бока.

Я лег в каюте, но от качки стал неистово вертеться и болтаться на койке, будто из меня сбивали сливки. Я взобрался снова на палубу и, делая без всякого желанья веселые прыжки и поклоны, каждую минуту убеждался в справедливости слов лейтенанта.

— Неужели в этом заливе всегда так качает? — спросил я одного из офицеров.

— Нет, сегодня еще сравнительно тихая погода, — ответил он.

— Благодарю покорно!

В 6 часов вечера на алом горизонте заката стали вырисовываться суда международной эскадры, и в 7 часов, среди иностранцев, ясно показались очертания родных судов — «Сисоя Великого» и «Дмитрия Донского».

«Гайдамак» повернул к адмиральскому кораблю «Сисой Великий».

Морская демонстрация! Какая редкая и странная, но красивая картина.

На протяжении 10 миль собралось 22 судна девяти держав. Ближайшие суда отчетливо чернели своими реями, флагами, орудиями, рубками, матросами. Далекие суда ускользали из вида. Наступила ночь, заблестали иллюминаторы и зажженные фонари точно звездочки повисли в воздухе. Доносился неясный шум команд, музыки. Паровые катера и барказы точно чайки носились между морскими исполинами, которые, едва покачиваясь, лежали черными огромными китами на мутной беспокойной воде.

Вот английские гиганты: броненосец «Centurion» под флагом вице-адмирала Сеймура, крейсера «Orlando» и «Endymion».

Там друзья-французы. Крейсер «Descartes», мощных очертаний, с странными низкими и широкими трубами, точно с двумя головами, и крейсер «D'Entrecasteaux», офицеры которого, вероятно, вспоминали бурный альянс и жаркие объятия своих русских товарищей в Порт-Артуре, во время их визита в наш порт, за три недели. На крейсере «D'Entrecasteaux» флаг контр-адмирала Куржоль.

Германский крейсер «Kaiserin-Augusta». Австрийский — «Zenta». Итальянские «Elba» и «Calabria». Японский

«Kassagi» и американские «Manocasy» и «Newark». В стороне стоял китайский крейсер «Хай-Тен», под флагом контр-адмирала. Как-то странно было видеть китайца среди союзников, ополчившихся на китайцев.

По решению адмиралов, на китайском крейсере были сняты некоторые части машины и замки у орудий.

На трех судах были видны флаги, красивые по простоте и идее: синий андреевский крест на белом поле. Это были — «Сисой Великий», «Дмитрий Донской» и «Всадник», который жестоко бился на зыби. На горизонте стоял «Гремящий», а в реке Пэйхо «Кореец».

В реке из иностранцев стояли англичанин «Algerine», немец «Iltis» и японец «Atago». Кроме броненосцев и крейсеров на рейде находились — два английских истребителя миноносцев, одна английская военная яхта и французская лодка «Surprise».

Ни берегов, ни фортов Таку не было видно. Это грандиозное собрание судов международной эскадры качалось в открытом море. Это был веселый вооруженный лагерь, с 10 000 штыков, плававший на воде и имевший своею целью смело угрожать 400 миллионам китайцев.

К сожалению, к китайцам никак нельзя было подобраться поближе. Вследствие мелководья залива, большие суда должны держаться верстах в 20 от устья Пэйхо, именуемого Таку и защищенного фортами. Кроме того, чтобы войти в реку, необходимо перебраться через бар — песчаную илистую отмель, которая доступна для низкосидящих судов только в прилив.

Других мест для высадки десанта, кроме устья рек Пэйхо и соседней Бэйтанхэ, охраняемой первоклассной крепостью Бэйтан, — в этом районе не имеется.

Совершенно стемнело, когда мы подошли к адмиральскому кораблю «Сисой Великий». Опустили шлюпку, в которую забрался и я. Матросы дружно выгребали, и через

несколько скачков по волнам мы были уже у трапа «Сисоя Великого», но пристать к нему не было никакой возможности. Шлюпка ежеминутно взлетала кверху и падала. Миг... и один из нас уже был в воде, но так как каждый моряк чувствует себя в воде так же удобно, как и в воздухе, то он даже не поморщился и, подхваченный матросами, взобрался на трап.

Наступил мой черед... Железные руки матросов крепко ухватили меня за ноги, руки, плечи и голову, и вместе с моими чемоданами я полетел на трап, где меня подхватили уже другие дюжие руки. Испытание кончилось. Мы на броненосном корабле, в покое, комфорте и в гостях у радушно-го адмирала Веселаго.

— Когда я пришел сюда на «Сисое», в сопровождении «Донского», «Гремящего», «Корейца», «Всадника» и «Гайдамака», — рассказывал адмирал, — на этом рейде я застал только два иностранных корабля. Потом стали подходить другие. Большое внимание нам оказал адмирал Сеймур. Когда он пришел на своем броненосце «Центурион», то, проходя мимо русских судов, он приказал играть наш народный гимн. Своего внимания к русской эскадре он не ограничил этим. Хотя он старше меня в чине — он вице-адмирал — но он первый сделал мне визит, на который я сейчас же ответил. На другой же день после прихода на этот рейд, согласно полученным мною инструкциям, я отправил в Таку десант на баржах, буксируемых пароходом и сопровождаемых «Корейцем». Наш десант состоял из 75 человек матросов с «Сисоя» и «Наварина», 30 казаков¹ и 40 лошадей, при одном орудии. Кроме того, с нашими буксирами я отправил французский десант в 100 человек и итальянский в 36, с итальянской пушкой. После отправки десантов французы и итальянцы приезжали

¹ Из 6-й сотни 1-го Верхнеудинского полка.

благодарить меня за оказанное им содействие. Раньше в Пекин был отправлен международный десант из 75 англичан, 75 американцев, 60 германцев, 50 австрийцев и 30 японцев, причем у американцев, австрийцев и англичан было по своему орудью¹. Под общим начальством нашего военного агента полковника Вогака этот десант двинулся по реке Пэйхо на баржах до Тяньцзина, а оттуда по железной дороге до Пекина, куда прибыл благополучно. Вогак вернулся в Тяньцзин, где оставлены наши казаки. Из Пекина и Тяньцзина я имею очень нехорошие известия. Вокруг столицы полное возмущение. Иностранцы и железная дорога в опасности. Около Тяньцзина наши казаки уже дрались с боксерами, выручая французских инженеров². По слухам, есть раненые и убитые. Французы и бельгийцы, бежавшие из Баодинфу по реке в джонках, с женщинами и детьми, имели стычку с боксерами, которые перебили 16 европейцев. Только 5 спаслись и добрались до Тяньцзина. В этом городе неожиданно сгорел английский банк. Предполагают, что это дело рук китайской прислуги, которая действует заодно с боксерами. Странный случай был также с тем десантом из русских, французов и итальянцев, которых я отправил в Таку. Когда десант на баржах стал

¹ По другим, данным в Пекин прибыли следующие десанты: 18 мая — 75 французов, 63 американца, 50 немцев, 28 итальянцев, 25 японцев; 19 мая — 79 англичан с 2 пушками, 30 австрийцев. (См.: *Дацышен В. Г.* Русско-китайская война 1900 г. Ч. II. Поход на Пекин. СПб., 1999. С. 65.)

² Идет речь о бое 21 мая 1900 г. Взвод 6-й сотни 1-го Верхнеудинского казачьего полка под командованием сотника Семенова с двумя прикомандированными стрелковыми офицерами и тремя французами, под общей командой штабс-капитана Нечволодова был отправлен на поиски пропавших бельгийских и французских инженеров. В 60 верстах на юго-запад от Тяньцзиня произошла стычка с ихэтуанями. Были ранены поручик Блонский, двое казаков и один француз, 16 китайцев были убиты. См.: *Дацышен В. Г.* Русско-китайская война 1900 г. Ч. II. Поход на Пекин. СПб., 1999. С. 82.

входить в реку, с китайских фортов раздались выстрелы. Какие это были выстрелы и против кого направлены — неизвестно. Оптимисты говорят, что это были салюты. Но я полагаю, что, если бы китайцы стреляли более метко, они могли бы без труда пустить все баржи с десантами ко дну и потом извиняться, что их салютационные выстрелы в честь иностранцев были так несчастливы.

— Зато посмотрите, — продолжал адмирал — какое эффектное зрелище представляет теперь наш рейд. — Адмирал встал и вышел на балкон своего помещения. — Какая иллюминация! Какое оживление! Не правда ли, настоящий парижский бульвар ночью!

Вид был действительно чудный! На потемневшей равнине моря целые созвездия электрических огней. Огни на мачтах, на реях. Огненные многоточия иллюминаторов рисовали силуэты грандиозных судов, между которыми перебегали огоньки катеров и шлюпок. На горизонте вспыхивали длинные яркие лучи и кидали на облака быстрые лунные пятна.

— Это наш телеграф, — сказал адмирал, — гелиография. Мы передаем сигналы на облаках с помощью электрических лучей «Гремящему», который стоит у бара, а «Гремящий» передает таким же путем «Корейцу», стоящему в реке. Таким образом мы можем моментально и просто переговариваться друг с другом на протяжении более 25 верст. А иногда «Кореец» даже прямо принимает сигналы, которые мы ему подаем на небе, хотя для нас он стоит под горизонтом.

— Но ведь другие союзники также обмениваются сигналами. Каким образом среди этого огромного собрания судов не происходит путаницы?

— Каждая нация имеет свою собственную азбуку сигналов, не известную ни для какой другой нации. В этом и состоит искусство, чтобы среди множества сигналов уловить адресованную вам депешу.

В 12 часов ночи, когда я беседовал в кают-компании со знакомыми офицерами, вошел красивый молодой лейтенант с живыми синими глазами и рыжими усами, только что сменившийся с вахты. Это был Евгений Николаевич Бураков, мой старый знакомый по Ревелю. Мы дружески встретились и разговорились. Офицеры разошлись по каютам. Мы остались вдвоем в кают-компании. Наше общество разделяла только бутылка хорошего «Редерера».

— Помните, корреспондент, как мы с вами встречались в Ревельском Екатеринентальском Салоне на балах и спектаклях и вместе увлекались одной изящной смуглой адмиральской дочкой, с знойными глазами цыганки и холодным сердцем Снегурочки? — спросил Бураков.

— Я только помню, что, несмотря на постоянный холод сердца этой Снегурочки, я всегда безнадежно таял перед нею. Ваше же присутствие меня только морозило, потому что вы всегда оставляли меня за флагом.

— В таком случае мы с вами остались вдвоем за флагом, так как рекорд на ее сердце уже побит капитаном второго ранга.

— Что не мешало ему быть у дам всегда в первом ранге.

— Я очень рад, — перебил Бураков, — что вы едете в самое жерло боксерского вулкана. Это очень полезно для молодого человека. Я буду очень доволен, если вспыхнет война, и непременно постараюсь попасть в авангард наших действий. Думаете, легко нам здесь болтаться на рейде, выстаивать эти ужасные вахты и ждать у моря, действительно у моря — погоды, чувствуя, что там на берегу ныне совершается что-то великое, чрезвычайное, может быть первый раскат китайского грома и пробуждение от векового сна страшного дракона. Мы все рвемся в бой, вперед, а между тем принуждены стоять неподвижно на якоре, есть консервы, пить вино, жить слухами и томиться от тоски, скуки

и бездеятельности. Мы и берега не видим, и в море не идем, а качаемся на этой пустыне между небом и водой. Мы, военные, нуждаемся в войне, как природа в грозе: без нее мы обесцвечиваемся, вянем, тоскуем и становимся чиновниками. Совершенно справедливо сказано, что война рождает героев. Только труд, борьба и риск создают сильные характеры. Хотя в наших канцеляриях много работают, но они не создают героев, так как слишком занимаются борьбой узких интересов и мелких самолюбий и честолюбий. Герои могут возродиться только либо на залитом потом и кровью поле, на бушующих волнах или на неприятельской стене, где идет бой за жизнь или смерть. Теперь наша молодежь так зарылась в своих канцеляриях и бумажных делах, что на мир смотрит только с точки зрения своих портфелей и в разговорах можно всегда услышать слово «карьера», но слова «Россия» или «отечество» — очень редко. Кажется, у нас верхом карьеры считают получение большого оклада или выгодной командировки, не заботясь о том, полезна или бесполезна эта командировка для государства, и не думая о том, что гражданин может оказать такие услуги государству, за которые оно не будет в состоянии отплатить никаким вознаграждением, такова, например, смерть Су-санина. Есть подвиги дороже жизни. Какой подвиг — принести себя в жертву народу или его части, если ей грозит опасность, и своей единичной смертью дать жить многим. У меня есть предчувствие, что, если теперь грянет война, я брошусь в огонь и паду одним из первых. Но я не боюсь смерти. Жизнь дала мне так много светлых, счастливых дней, что я не могу требовать лучшего, а ждать худшего я тоже не хочу. Отчего же в самом деле не решиться на действительно великое дело — рискнуть своею жизнью во имя идеи и гражданского долга. Поэтому, — прибавил он, налив вина и заблистав глазами, — выпьем за торжество смелых и благородных идей!

— Я пью за торжество вашей идеи и за вашу славу! Вы как истинный артист на сцене чувствуете страх и тревогу перед своим триумфом.

Светало. Мы крепко пожали друг другу руки, и больше я Буракова не видел. Через 12 дней он был убит на «Корейце» при штурме фортов Таку.

23 мая

Проведя ночь на гостеприимном «Сисое» и отправив первую корреспонденцию в Порт-Артур, в 5 часов утра я должен был ехать дальше. Меня встретил на палубе мичман З., который был очень удивлен, что я отправляюсь в путь без оружия.

— Как? Вы едете на войну без револьвера? Чем же вы будете защищаться в случае опасности? Какой же вы корреспондент? Стенли и Ливингстон, отправляясь в поход, были всегда вооружены с ног до головы.

— Но я совершенно не собираюсь с кем-нибудь драться. Я еду писать корреспонденции, а не сражаться.

— На вас могут напасть боксеры. Что вы тогда будете делать с вашими перьями?

— Я еще об этом не думал, но во всяком случае никогда не буду стрелять в боксеров, так как весьма уважаю этих патриотов своей родины. Полагаю, что если суждено быть убитым, то мне даже 12-дюймовая пушка не поможет.

— Нет, это никуда не годится. Вы можете скомпрометировать ваше звание корреспондента. Вы должны иметь оружие. Я вам подарю.

Мичман З. ушел в свою каюту и вернулся с револьвером.

— Вот вам на память от меня хороший «Смит и Вессон» и пачка патронов. Пусть они вас сохранят в опасную минуту.

Я поблагодарил и на всякий случай положил мое оружие на самое дно чемодана.

Так как в то же утро в Пекин был командирован курьером лейтенант Бурхановский, то меня вместе с важными пакетами от адмирала Алексеева сдали ему для доставки по назначению.

Минный крейсер «Всадник», брат «Гайдамака» по виду и типу, повез нас на «Гремящий».

Утро блистало. Суда международной эскадры просыпались одно за другим. Раздаются команды, рожки, свистки. На адмиральских кораблях взвиваются пестрые сигнальные флаги и переговаривают с флагами подчиненных судов.

Кругом эскадры стоят купцы — коммерческие пароходы, снабжающие эскадру углем и продовольствием. Между броненосцами снуют буксиры, которые тащат за собой баржи и джонки с углем, мясом, зеленью, живностью, вином, консервами и всем, что заказывает эскадра.

Судя по тому, как много барж с провиантом собралось вокруг «Центуриона» и «Эндимиона», можно предполагать, что англичане страдают самым большим аппетитом не только политическим, но и гастрономическим.

Полуодетые загорелые китайцы-кули, под команду иностранных капитанов, суетятся на баржах и живо переносят привезенный груз на корабль или длинной вереницей карабкаются по узкому трапу и в грязных корзинках тащат каменный уголь, задыхаясь в клубах угольной пыли и возвращаясь с военного судна черными неграми.

Мы подошли к «Гремящему». Бурхановский передал командиру капитану 2-го ранга Миклашевскому адресованные ему пакеты. «Гремящий» стоял возле плавучего маяка, указывающего вход в реку Пэйхо; около нашей канонерки стояла английская «Вайтинг». Мы сели на барказ и направились к «Корейцу».

Беспокойные волны рейда мешали нам быстро двигаться. Бурхановский решил достать один из тех буксиров, которые возвращались от эскадры в Тонку. Однако на наши сигналы платком и крики никто не обращал внимания: все заняты своим делом и никому нет дела до других.

Наконец, один буксир с капитаном-англичанином повернул в нашу сторону. Бурхановский крикнул капитану:

— Do you go to Tongku? (Вы идете в Тонку?)

— Yes. (Да.)

— Will you take me on board and go to the Russian man-of-war in the river? (Возьмете меня на борт и доставите на русское военное судно в реке?)

— All right! (Ладно.)

— How much do you want? (Сколько денег вы хотите?)

— 35 dollars. (35 долларов.)

— All right! (Ладно.)

Буксир принял нас, и мы пошли быстро. Эскадра пропала из глаз.

— How is the water at the bar? (Какова вода на баре?)

— There is no water at all. It is very bad to cross the bar. Two feet. No more. (На баре совсем нет воды. Переходить бар будет очень плохо. Не более двух футов глубины). — ответил капитан.

Показалось мутное белесоватое дно бара-отмели, которая здесь имеет не более 9 и редко 11 футов глубины при высокой воде и только 1 1/2 фута при низкой. Наш буксир раза три зацепил за песок, и мы стали.

Капитан и его китайская команда засуетились. Потасовали нас в обратную сторону, дернули направо, налево, и наконец мы благополучно перелезли через бар.

Пэйхо

Перед нами устье знаменитой китайской Невы, ведущей к Небесной столице. Это Белая река — Байхэ, переименованная европейцами, не церемонящимися с китайскими названиями, — в Пэйхо.

Это — великая река Чжилийской провинции, впадающая в Чжилийский залив, также по-своему названный европейцами Печилийским, несмотря на то, что китайцы зовут и залив, и прибрежную область просто Чжили¹.

Хотя китайцы дали своей столичной реке, льющейся на протяжении 750 ли (ли — полверсты), имя Белой, но она уже давно несет такие бурые струи охры, что ее было бы справедливее именовать Шоколадной или Кофейной.

Направо и налево тянутся низкие длинные линии фортов. Только черные точки орудий, старательно покрытых чехлами, флаштоки и деревянные грибы для часовых напоминают, что здесь скрываются батареи. Но ни часовых, ни прислуги при орудиях не видно. На фортах мертво.

Ширина реки не более 50 сажен. Расстояние между фортами около 100 сажен.

Входим в реку. Встречаются английские, американские и японские грузовики, угольщики, китайские шаланды, шампунки, военные катера. У правого берега стоят четыре новеньких китайских дистроера — истребителя миноносцев.

¹ На современных картах приняты китайские названия: Дагу, Байхэ, Бэйтан и т. п. Однако в данной книге вся топонимика оставлена в написании начала XX в.

— Видите вы этих истребителей китайских казенных денег? — спросил капитан — они шесть месяцев ремонтировались в доке, только что вышли из дока и, вероятно, скоро опять вернутся в док. Это гораздо выгоднее для мандаринов. А что касается фортов, то я никогда не видел, чтобы китайцы снимали чехлы со своих пушек. Они говорят, что боятся производить учение со своими орудиями, чтобы нечаянно не попасть в какую-нибудь проходящую китайскую джонку.

Какие нелюдимые, низкие и опустившиеся берега, поднявшиеся из моря, по словам геологов! Линия горизонта воды и суши сливается. Издали видны китайские глинобитные желто-серые домики, большие таможенные пакгаузы, склады, мастерские, китайское адмиралтейство и пристань, заваленная ящиками и тюками. Зеленый тростник и тощие ивы несколько ласкают глаз, утомленный лучами солнца, блеском неба, блеском воды и песчаной равнины, которая теряется за горизонтом. Эта пустыня несколько оживляется видом китайских могил и куч морской соли. Таково преддверье Тяньцзина и вековой миллионной столицы.

Устье Пэйхо носит общее название Дагу — по-китайски или Таку — по-европейски. Восточный городок, расположенный на левом берегу реки, с пристанью и станцией Китайской Императорской железной дороги, ведущей через Тяньцзин на Пекин, называется Дунгу или Тонку. Западный городок с заводами и мастерскими называется Сигу или Сику. От Тонку другая линия железной дороги идет вдоль Чжилийского залива на Шанхайгуань до Инкоу.

Пэйхо делает на всем своем протяжении постоянные извилины, и его перспектива пропадает среди камыша, гаоляна и китайских построек. Вырастающие над ивами и хижинами мачты джонок или труба военной лодки указывают направление этой узкой змеистой реки.

Мы проходим мимо германской канонерской лодки «Ильтис» и пристаем к «Корейцу», который стоит далеко в реке, под начальством капитана 2-го ранга Сильмана. Еще выше стоит японская лодка «Atago».

В 11 часов утра в кают-компании подали завтрак.

— Какие у вас новости? — спросил я моего соседа.

— Все спокойно и одно и то же, — ответил ревизор «Корейца» лейтенант Деденев. — Сидим на корабле и печемся на солнце. Изнываем от скуки и жары и считаем, сколько поездов с китайскими солдатами китайцы отправляют по своей железной дороге в Тяньцзин. С «Корейца» хорошо виден вокзал и заметно всякое движение на дороге. До сих пор я насчитал 15 поездов, битком набитых косатыми солдатами. Откуда китайцы набрали их такое множество? Путешествие их в Тяньцзин весьма подозрительно. И все это восстание боксеров что-то на восстание не похоже. К чему китайцам понадобилось столько войск? Если войска должны драться с боксерами, то это только подольет масла в огонь. Если же они будут не против боксеров, то будут против нас... Пока что наши офицеры ездят в Тяньцзин по железной дороге или на паровых катерах и привозят оттуда неважные вести. Сегодня был проездом командированный к адмиралу Веселаго секретарь французского консульства, который рассказал, что наши казаки уже имели дело с боксерами и один русский офицер ранен. Вчера германцы отправили одно орудие в Тяньцзин. Сегодня американцы двинули туда еще отряд. Вечером французы посылают 100 человек. Пока что мы точно измерили дистанцию до китайских фортов и повернули наши орудия против их батарей, так что если понадобится, то наши гранаты будут ложиться точка в точку. «Кореец» и «Ильтис» стоят в тылу всех китайских фортов, которые, вероятно, тоже уже измерили дистанцию, если китайцы имеют хоть какое-нибудь представление о своих орудиях. В случае военных дей-

ствий нашим канонеркам придется драться в первую голову и китайские форты могут причинить нам много неприятностей, но зато и им не поздоровится от наших орудий. Форты будут во всяком случае взяты, какими бы крупновскими пушками они ни были вооружены. В этом не может быть ни малейшего сомнения...

Увы! форты были действительно взяты, но бедному Деденеву, погибшему вместе с Бураковым, не суждено было увидеть победу!..

В час дня с рейда пришел буксир, который привел баржу с 35 матросами и 1 офицером — мичманом Глазенапом. Они были командированы с «Дмитрия Донского» для усиления нашего десанта в Тяньцзине, вследствие обостряющегося положения дел и неожиданного столкновения казаков с боксерами. По той же причине французы посылают свой второй десант.

В пять часов вечера я простился с радушием русских моряков и покинул уголок родной земли, представляемый палубой русского военного корабля с русскими мужиками-матросами и дворянами-офицерами.

Бурхановский, Глазенап и я пересели на английский буксирный пароходик «Джем», который забрал баржу с нашим десантом в 35 человек и, пользуясь приливом, стал подниматься вверх по Пэйхо.

В зависимости от морского прилива и отлива, два раза в сутки, в течение шести часов вода в Пэйхо прибывает и следующие шесть часов убывает. Пользуясь высокой водой мелкосидящие пароходы доходят до Тяньцзина, отстоящего от Тонку по железной дороге в 40 верстах, а по реке — в 50. Мель, узкая ширина реки и постоянные повороты течения очень затрудняют сообщение по Пэйхо. Капитан буксира обещал доставить нас в Тяньцзин к 12 часам ночи.

Чем выше мы подымаемся по реке, тем живее картины. Берега Пэйхо — это сплошная китайская деревня и пашня.

Желтые глинобитные мазанки, с глиняными или соломенными кровлями, окруженные плетнем из гаоляна или камыша, толпились над обрывом берега. Ивовые и тополевые рощицы скрывали кумирню, о которой можно было догадаться по двум высоким мачтам, стоящим перед входом. За мазанками тянулись беспредельные поля зеленого молодого гаоляна — китайского проса, которое кормит, греет, покрывает и для китайского мужика является его первым другом и помощником в домашнем хозяйстве.

В деревнях было заметно странное движение. Народ кучами собирался на берегу, о чем-то шумел, расходился и снова собирался в другой деревне. При прохождении нашего буксира и баржи, наполненной вооруженными матросами, китайцы высыпали на самый берег и внимательно следили за нами. О чем они думали? Что говорили? Но боксеры уже ходили по всем деревням, мутили народ, вербовали товарищей и зажигали пожар миллионного мятежа.

Тихая теплая ночь. Мы идем очень медленно. Полчища джонок, везущих рис в Пекин, загораживают нам путь. Река мелка. Течение капризно. Нужно все время измерять глубину. Смуглый морщинистый китаец, из южных провинций, с косой, обмотанной вокруг головы и спрятанной для удобства под круглую соломенную шляпу, бросает лот и без фонаря, на ощупь, благодаря своей многолетней сноровке, выкрикивает нараспев число футов, на испорченном английском языке:

- Фооти! Найти! Твэти! Твэти ту! Фоо!..
- Фоо! Фай! Сээ!.. Твэти!

Луна взобралась высоко на небо, ярко осветила баржу, белые рубашки матросов и заблестала на их штыках. Моряки, развалясь, богатырски спали на дне лодки и не заботились о грядущем дне. Пэйхо и его берега спали. Это были его последние безмятежные ночи, накануне всех ужасов возмущения и войны. Резкий, монотонный и сонный го-

лос китайца, считающего глубину, не тревожит молчания тихой теплой ночи и усыпляет меня. Я не могу бороться с дремотой, забираюсь в каютку и засыпаю и еще долго сквозь сон слышу:

— Фоо! Фай! Сээ... Твэти!

ТЯНЬЦЗИН

24 мая

Утро — 4 часа. Мы стоим. Винт парохода не работает. Я окончательно просыпаюсь, выбегаю на палубу и попадаю в объятия моего старого друга, храбрейшего и остроумнейшего штабс-капитана Нечволодова, начавшего военную службу в Ревеле, махнувшего, чтобы попытать счастья, в Уссурийский край, занимавшего Порт-Артур и попавшего в Тяньцзин в распоряжение военного агента Вогака.

— Скажи, пожалуйста, где я нахожусь? — спрашиваю моего друга.

— В Тяньцзине! Полковник Вогак и я ждали десант с «Дмитрия Донского» всю ночь и приехали вас встретить.

— Могу я ехать дальше в Пекин?

— И не думай! Железная дорога уже разрушена боксерами.

Я представился полковнику Вогаку, который принял десант и приказал его проводить в подготовленный дом, а офицеров пригласил к себе.

После естественных объятий и восклицаний Нечволодов с самым сияющим видом рассказывает:

— Вообрази, я уже был в настоящем сражении! На этих днях, по просьбе бельгийского консула Кетельса, полковник Вогак отправил меня, с поручиком Блонским и 25 казаками, разыскивать без вести пропавших бельгийских и итальянских инженеров. Мы три дня блуждали и наконец наткнулись на кучу боксеров. Мы пошли в атаку на них.

Искрошили половину. Вдруг лошадь под Блонским падает, убитая наповал. Блонский падает наземь. На него налетают боксеры и пронзают его насквозь своими копьями и мечами.

— Насквозь?

— Насквозь. Он получил 14 ран по всему телу. Казаки бросились его выручать, спасли и рассеяли боксеров. Один казак тяжело ранен, а у другого был отрублен нос, но он нашел его в кустах, приставил, и нос теперь заживает. Мы вернулись с ранеными в Тяньцзин. Блонский и казаки лежат во французском госпитале. Мы накануне невероятных событий!

По указанию Нечволодова, я отправился в лучшую гостиницу Astor-House. Китаец джинрикша повез в своей тележке мои вещи.

Недалеко от набережной, на углу главной улицы Виктория-род воздвигнуто великолепное трехэтажное здание гостиницы, с балконами, верандами, башней, обсаженное высокими тенистыми деревьями и цветами и обвешанное циновками и маркизами для защиты от солнца. Три парадные лестницы. Я поднимаюсь по одной из них. Сонный бой, слуга-китаец, провожает меня в свободный номер, более дешевый, в третьем этаже — 8 долларов — 8 рублей в сутки, со столом. Номер высокий просторный, устланный ковром, с лепным потолком, мраморным умывальником, газовым освещением и широчайшей тропической постелью, на которой мог бы свободно расположиться на ночлег патриарх Иаков с 12 сыновьями.

Тропическая постель имеет тонкий матрац на сетке и газовый балдахин-москитер, который наглухо окутывает постель и только один спасает от москитов, комаров и мух. Кто не желает иметь балдахин, тот раздевается до Адама, заворачивается в газ и в таком виде спит, будучи недоступен для назойливых насекомых и менее доступен для тропической жары.

Возле номера отдельная веранда с плетеными лонгшезами. Рядом мраморная ванная. Электрические звонки и все удобства.

8 часов утра. Молодой бой, самого корректного вида, с приятным лицом, тщательно заплетенной косой, в длинном голубом халате, неслышно входит на высоких мягких подошвах и говорит, что в гостинице первый завтрак breakfast в 8 часов утра, второй tiffin в 1 час дня, обед dinner в 8 часов вечера. Бар-буфет для напитков открыт весь день. Бутылка пива 1 доллар — 1 рубль. Бутылка шампанского 5 долларов.

Бой уходит и возвращается с завтраком: яичница с ветчиной, овсянка, порция бифштекса и чашка черного чая.

Мой первый визит был к нашему военному агенту в Северном Китае полковнику, ныне генералу Константину Ипполитовичу Вогаку, избравшему местом своего постоянного пребывания Тяньцзин. Военный агент Южного Китая полковник К. Н. Дессино живет в Шанхае.

К. И. Вогак, уже 10 лет наблюдающий за военной политикой и военными успехами Китая, игравший крупную роль в китайских событиях 1900 года, родился в 1859 году, воспитывался во 2-м Кадетском корпусе и записан на мраморную доску Николаевского Кавалерийского училища. Военную службу начал в 1878 году корнетом Лейб-Гвардии Уланского ее величества полка. Блестяще окончив в 1884 г. Николаевскую академию Генерального Штаба, служил в разных округах, на разных должностях. В 1892 г. Вогак назначается военным агентом в Китай, а затем и в Японию. В 1894 г., когда вспыхнула война между Китаем и Японией, был командирован русским правительством в японскую действующую армию, с которой совершил поход в Корею и Китай и присутствовал при главных сражениях. Когда был заключен мир, вернулся в Россию и в 1896 состоял при чрезвычайном китайском

посольстве Ли Хунчжана на торжествах Священного Коронования. В том же году снова вернулся в Китай и в конце 1897 г. уехал на Квантун и в Японию для подготовительных работ по занятию Порт-Артура. В марте 1898 года присутствовал при высадке в Порт-Артуре и исполнял должность начальника штаба войск Квантунского полуострова, а затем был комиссаром по разграничению Квантуна. Весною 1899 г. вернулся в Тяньцзин к исполнению обязанностей военного агента.

Я беру рикшу. На востоке европейцы сокращенно называют джинрикшей, перевозящих людей в тележках, рикшами. Японцы первые завели у себя этот простой и самый дешевый промысел человеческого извоза и дали ему название. Теперь джинрикши распространяются во всех портовых городах Китая и вытесняют китайские телеги и носилки. Если в городе имеются хорошие ровные шоссе, то тележку с пассажиром тащит один рикша. В Порт-Артуре, где улицы поднимаются в гору, один рикша впрягается спереди, другой подталкивает сзади.

— Но-го Во-да-жень! (К русскому великому барину Во!) — говорю я рикше. Имя Вогака хорошо известно в Тяньцзине, и китайцы зовут его сокращенно Во, так как, согласно правилам китайской речи, фамилия должна состоять из одного или двух слогов. От иностранной фамилии китайцы оставляют обыкновенно первый слог.

После маленького скромного Порт-Артура, с его наскоро и кое-как переделанными для русских китайскими серыми домиками, с его узкими и грязными переулками и тусклыми керосиновыми фонарями, приятно было видеть благоустроенный европейский город.

Рикша везет по красивой улице Виктория-род, прямой и широкой, тщательно шоссированной, подобно всем европейским улицам Тяньцзина, обсаженной тополями и освещенной газом.

Европейские концессии или сетльменты, т. е. земельные участки, уступленные китайским правительством иностранцам для их поселений, расположены на правом берегу Пэйхо. К китайскому городу непосредственно при-мыкает французская концессия. Ниже по течению следуют: английская и германская, прерываемая китайским участком. Концессии пользуются полным внутренним самоуправлением и имеют свои городские муниципалитеты, члены которых выбираются иностранцами из наиболее энергичных коммерсантов. Нужно отдать полную справедливость городским деятелям концессий, что, несмотря на принадлежность к различным национальностям, всегда ревниво соперничающим друг с другом на Востоке, в дело устройства концессий они не мешают национальных счетов и своим девизом ставят благоустройство колонии. Поражаешься, как много сумели сделать для своих сетльментов эти дружно и энергично работающие англичане, французы, немцы и американцы, несмотря на свою малочисленность. Каким комфортом они обставили свою жизнь! Красивая набережная, безукоризненные шоссе-ые улицы, широкие правильно распланированные и обсаженные тополями и акациями, сады, живописный парк Виктории, нарядные дома смешанного англо-саксонского типа, клубы, почта, телеграф, телефон, канализация и газовое освещение. Несколько больших блестящих магазинов, из которых первенствует «Hall and Holtz», продают все, что нужно избалованному европейцу. Этот комфорт и нарядность сетльментов скрашивают трудную и невеселую жизнь европейцев на Дальнем Востоке, в знойном климате, вдали от всего, к чему мы привыкли и что сердцу мило.

Рикша остановился перед садом, рядом с Русско-китайским банком. Китаец-привратник отворил ворота. Одноэтажный каменный дом скрывался в тени под бамбуковыми циновками, которыми он был завешен. В саду развевался

большой русский флаг. Крыльцо уставлено цветами. Комнаты убраны во вкусе китайской и японской роскоши. Китайские гобелены, японские вазы и статуи принадлежали знатоку и ценителю восточных редкостей. Бой-китаец с почтительным поклоном, на английском языке просил пожаловать в кабинет, заваленный книгами, бумагами и шифрованными телеграммами, к полковнику Вогаку, который любезно сообщил все подробности о положении дел.

— Восстание боксеров, — говорил он, — представляет явление гораздо более серьезное, чем о нем думают. Я внимательно наблюдаю за ним с декабря прошлого года, когда на родине боксеров в Шаньдуне их движение стало принимать угрожающие размеры и пала первая жертва фанатизма — английский миссионер Брукс, неожиданно убитый боксерами во время его поездки по деревням¹. Девиз боксеров «Охрана династии и уничтожение иностранцев», написанный на их знаменах, льстит китайскому правительству и отвечает вкусам народных масс, которые стали видеть в боксерах давно жданных избавителей от незванного заморского ига. Юй Сянь, генерал-губернатор Шаньдуна, известный ненавистник европейцев, открыто поддерживал восстание. На его место был назначен в декабре 1899 года генерал Юань Шикай, бывший китайский посланник в Корею. Хорошо понимая китайские и европейские дела, он сейчас же понял, какую опасностью грозит это возмущение против иноземцев², и, желая умыть руки, то строгостью то ловкостью направил все движение в соседнюю Чжи-

¹ Брукс был убит в январе 1900 г., до его гибели европейцы в северной части Китая нападениям не подвергались; в Шаньдуне и Кяочао было несколько случаев забрасывания камнями немецких железнодорожников, но обходилось без жертв.

² Получила известность фраза Юань Шикая «Проявление враждебности к сильному врагу подобно искре, могущей сжечь обширную степь» (цитируется по: *Калюжная Н. М.* Восстание ихэтуаней. М., 1978. С. 148).

лийскую провинцию и воспретил боксерам пребывание в Шаньдуне. В среде китайского правительства некоторые министры и князья приняли боксеров под свое покровительство и поддерживают их деньгами и оружием. Не зная, какой оборот примут события и находясь под давлением со стороны посланников, китайская императрица, чтобы доставить им удовольствие, издает двусмысленные приказы, в которых повелевает военачальникам прекращать беспорядки и строго наказывать виновных, но в этих же приказах она дала мятежникам очень милое название «неосторожных храбрецов», что, конечно, еще более разжигает мятежную толпу, прекрасно понимающую маневры китайского правительства.

— Однако, — продолжал Вогак, — не все китайцы разделяют правительственную точку зрения игры и двуличия. Честный и храбрый генерал Не Шичен, начальник кавалерии в Чжили, весьма сочувствующий русским и имеющий при себе военным советником Лейб-гвардии гусарского полка полковника Воронова, решил не допустить приближения боксеров к Тяньцзину. Им руководило совершенно правильное соображение, что первое столкновение боксеров с иностранцами может вызвать международный инцидент и окончиться такими печальными последствиями, которые трудно и предвидеть. Кроме того, он основывался на прямом смысле императорского приказа. Поэтому он сжег несколько китайских деревень между Тяньцзином и Пекином, за то что их население присоединилось к мятежникам. Однако правительство выразило ему свое крайнее неудовольствие за слишком суровые и строгие меры в отношении «увлекающихся патриотов», что не помешало правительству уволить генерала Чэнь Хунбао, командующего военными силами в Баодинфу, за то что он допустил возмущение в своем округе. Таким образом правительство явно играет двойную игру. Оно

наказывает как тех, кто поддерживает боксеров открыто, так и тех, кто их преследует слишком энергично, как генерал Не. Между тем оно само не принимает решительно никаких мер к ограждению иностранцев и препятствует им взять это дело в свои руки. Оно ставит им такие серьезные помехи, как, например, закрытие железнодорожного пути. Английский консул в Тяньцзине настойчиво требовал у правления Императорской Китайской железной дороги дать поезд, но пекинское правительство решительно воспретило давать поезда для европейских десантов, на том основании, что несколько станций сожжено и поезда не могут дойти до Пекина.

— А между тем положение иностранцев в Тяньцзине и особенно в Пекине очень опасное. После того как 18 мая я привел по железной дороге в Пекин международный десант из русских, французов, англичан, американцев и итальянцев и возвратился в Тяньцзин, железнодорожный путь был испорчен боксерами и мой поезд был последним, который дошел до Тяньцзина. Дорога не восстановлена, и поэтому новые десанты, предназначенные для Пекина, не могут двинуться и задержаны здесь. Телеграфное сообщение с Пекином также уничтожено боксерами. Телеграммы передаются кружным путем, причем китайские телеграфисты не принимают шифрованных депеш. Что в данную минуту происходит в Пекине — невозможно сказать и можно все предполагать, так как число боксеров растет гигантски и восстание охватило всю Чжилийскую провинцию. Боксеры угрожают уже Пекину и Тяньцзину. Охраняемые и даже подстрекаемые правительством боксеры, в количестве нескольких тысяч человек, в порыве ярости и фанатизма могут ворваться на наши концессии, поджечь европейские здания и разнести наши одиночные посты и пикеты, которые так разбросаны по разным сетльментам, что не могут представить никакой обороны

перед дикой и необузданной ордой, на помощь которой немедленно явится все китайское население города. А где еще окажется возможность пограбить, там китайские войска первые явятся на подмогу. Я только что узнал, что китайская императрица издала тайный указ по войскам, чтобы они никоим образом не вступали в бой с боксерами, но только осторожно заставляли их сборища расходиться¹. Это значит, что правительство не желает принимать никаких мер против боксеров и предоставляет им полную свободу действий. Державы должны немедленно предпринять самый решительный и твердый образ действий, для того чтобы восстание не распространилось по всем городам и деревням Чжилийской провинции и чтобы европейцы не были осаждены или сожжены в Тяньцзине и Пекине. Из Баодинфу иностранцы, строившие железную дорогу, уже изгнаны. Несколько мужчин и женщин, в том числе главный инженер Оссан с сестрою, без вести пропали. В реке видели обезображенный труп европейской женщины. Вероятно, это сестра Оссана. Китайское население теперь так наэлектризовано слухами о чудесах боксеров и так возбуждено ими против иностранцев, что

¹ Вот фрагмент текста указа: «В связи с тем что в районах, расположенных вблизи от столицы, собираются толпы [ихэ]цюаней, вчера было приказано Чжао Шу-цяо незамедлительно прибыть в эти районы для вразумления [ихэцюаней]. Вслед за этим в район Баодина был послан Ган И, чтобы с полной искренностью и совершенно откровенно объяснить [ихэцюаням], что как [ихэ]цюани, так и исповедующие христианство в равной степени являются детьми императора и, уважая его гуманную заботу, они должны немедленно разойтись и приступить к своим прежним занятиям. [Он должен разъяснить ихэцюаням], что они не вправе собираться толпами и устраивать беспорядки, так как за это по закону полагается наказание, что, если они будут упорствовать и не раскаются, их накажут согласно государственным законам, без всякого снисхождения». Цитируется по изданию: «Восстание ихэтуаней. Документы и материалы». М., 1968. С. 107.

легко может повториться тяньцзинская резня 1870 года¹, если немедленно не будут присланы большие военные силы, которые сразу потушат костер разгорающегося восстания. Если боксеры упустили уже время для нападения на Тяньцзин, когда в нем еще не было десанта европейских войск, то как бы европейцы тоже не потеряли времени и не дождались того дня, когда китайцы, увлеченные боксерами, провозгласят священный поход против заморских чертей. Тогда державы будут вынуждены начать правильные военные действия, а к чему все это может привести — трудно предвидеть, тем более, что возмущения на религиозной и фанатической почве всегда сопровождаются крайним упорством, жестокостью и необыкновенным кровопролитием. Не может быть, конечно, никакого сомнения в окончательной победе соединенного европейского оружия, но если придется иметь дело с сотнями тысяч китайских фанатиков и пролетариев, которым нет числа и которым терять нечего, то как бы не пришлось заплатить слишком дорогой ценой за такую победу. Во-

¹ Французские миссионеры в Китае в конце 1860-х гг. активно скупали у нищих китайцев детей и размещали их в своих сиротских приютах; в конце концов это превратилось в выгодный бизнес для похитителей детей. В июне 1870 г. из-за вспыхнувшей эпидемии в этих приютах значительно возросла смертность. 18 июня 1870 г. в Тяньцзине был арестован похититель, пытавшийся продать ребенка привратнику сиротского приюта, что всколыхнуло напряжение. 19 июня французский посол Фонтанье после визита к губернатору Тяньцзиня пытался вернуться в посольство, но был остановлен толпой. Ему удалось с помощью войск пробиться на территорию посольства, и он приказал своим солдатам стрелять по собравшимся людям. Разъяренная толпа ворвалась в посольство, убила консула и его советника, а затем бросилась громить католические заведения. В беспорядках погибли 21 европеец и около 40 местных новообращенных христиан. Впоследствии за участие в резне было казнено 16 китайцев. Подробнее см.: *Cohen P. A. China and Christianity: The Missionary movement and Growth of Chinese Anti-Foreignism, 1860–1870. Cambridge, 1963.*

йна с ордой диких изуверов опасна, как гидра, у которой на место одной отрубленной головы сейчас же вырастают две новых. Иностранцы неоднократно спрашивали меня, когда же наконец будут присланы из Порт-Артура настоящие сухопутные силы для защиты европейцев, так как в нынешних событиях только пехотные войска могут оказать действительную помощь.

— О серьезности и опасности положения, — закончил полковник Вогак, — я уже несколько раз телеграфировал адмиралу Алексееву. К сожалению, в Пекине некоторые посланники совершенно не разделяют моего взгляда и, не желая видеть никакой серьезности в совершающихся событиях и удовлетворяясь успокоительными заверениями и любезными обещаниями Цзунлиямыня, готовятся не к бегству из Пекина, пока еще не поздно, а к переезду на дачу. В Тяньцзине во всех моих действиях меня поддерживает французский консул граф Дюшейляр, мой большой друг, с которым мы работаем в полном согласии и единении. Он совершенно разделяет мою точку зрения.

РУССКИЕ И ИНОСТРАНЦЫ В ТЯНЬЦЗИНЕ

Мой следующий визит был к русскому консулу Н. А. Шуйскому, который жил на французской концессии, рядом с Японским банком, в большом каменном двухэтажном доме старинного барского вида, среди красивого тенистого сада.

Конечно, я не сразу разыскал русское консульство. По-видимому, материя для русских флагов стоит очень дорого на Дальнем Востоке, так как иные наши консула на Востоке не любят вывешивать свои флаги, вероятно, в видах экономии, сберегая казенное имущество и не желая, чтобы флаги напрасно трепались от ветра и дождя. Только консула других наций любят щеголять новенькими флагами над своими консульствами.

К сожалению, консул был болен. Я был принят его супругой Верой Дмитриевной, обладательницей прекрасного голоса, которая несколько лет тому назад мечтала о карьере на оперной сцене, но потом променяла лавры, розы и шипы музыкальной славы на тихую семейную жизнь на Востоке. Однако нагрянувшие события доставили ей столько треволнений и тягостей, которые вообще редко выпадают в жизни. В нарядно убранной гостиной я встретил г-жу Поппе, супругу секретаря нашего консульства, и г-жу Воронову, супругу полковника Воронова.

Когда в гостиную вошла престарелая ама-няня китаянка, со сморщенным добрым лицом, на маленьких остроконечных ножках, все дамы заговорили с нею по-китайски. Как они чудесно говорили на языке Конфуция и Ли Хунчжана!

Моему восторгу китаиста, который несколько лет изучал этот заколдованный язык на Восточном факультете Петербургского университета и ничего не изучил, — не было пределов. В разговоре дам китайский язык звучал так же свободно, легко и красиво, как и французский. Благодаря легкости языка и постоянному общению с китайской прислугой, особенно нянями, наши дамы в Китае при желании и некотором труде, быстро усваивают этот язык. Госпожа Воронова, дочь известного русского деятеля на Дальнем Востоке и китаиста Старцева, с детства говорящая по-китайски, владеет китайским языком в совершенстве. Если бы она пожелала произнести в Петербурге речь на китайском языке, она затмила бы весь Восточный факультет безукоризненной чистотой и красотой произношения, знанием духа языка и богатством выражений. Полковник Воронов неоднократно пользовался ее услугами в качестве переводчицы при сношениях с генералом Не Шиченом, который говорил, что редко встречал иностранцев, которые бы так блестяще владели китайским языком, как эта русская лингвистка. Было бы очень жаль, если бы русская наука нисколько не воспользовалась ее знаниями в этой сфере, в которой теперь еще так мало знатоков и работников.

Я продолжал изумляться и восхищаться, когда ама принесла крошку-дочку консула, которая, на вопрос матери, не хочет ли она спать, ответила на чистейшем мандаринском наречии:

— Бу яо! (Не хочу!) — И увидав во мне чужеземца, она потянулась под покровительство няни.

В Китае я нередко встречал детей европейцев, которые воспитывались китайскими амами-нянями и в детстве говорили только по-китайски. Подрастая, дети очень неохотно переходили на язык родителей и всегда предпочитали китайский язык, идеальный по своей разговорной легкости, простоте и краткости.

Дамы были в отчаянии. Беспорядки вокруг Тяньцзина, или как русские их называли «les troubles» или попросту «трубли», были предметом самого взволнованного разговора.

Ама только что принесла ужасные новости. Тяньцзин кишит боксерами, которые устраивают шумные сборища и расклеивают по улицам объявления, призывающие всех китайцев восстать против поганых иностранцев. Во всех деревнях куют мечи, копыя и алебарды.

На некоторых европейских домах появились пометки, сделанные кровью. Это знак, что помеченный дом обречен на сожжение, а его обитатели на гибель. Много китайских семей, принявших христианство, поголовно вырезаны; китайская прислуга в ужасе бросает своих господ-европейцев, так как боксеры грозят казнью всякому китайцу, кто будет служить иностранцу и иметь с ним какие бы то ни было дела.

В одной деревне появилась святая девочка, которая одарена сверхъестественными силами и делает чудеса. Боксеры перевозят ее из деревни в деревню и поклоняются ей как кумиру. Она предсказала изгнание всех «янгуйцзы» — заморских чертей и торжество «ихэтуань» — боксеров, которые уже назначили ночь и час для общего нападения на иностранные концессии в Тяньцзине.

Камня на камне не будет оставлено на месте концессий, которые должны быть разрушены, земля вспахана и на полях европейцев будет посеян гаолян. Первою должна быть уничтожена французская концессия, на которой живут ненавистные боксерам католические миссионеры и находятся — католический монастырь, французский госпиталь, школы и французское и русское консульства.

В тот же день я навел поручика 11-го Восточно-Сибирского стрелкового полка Блонского, который лежал весь перевязанный во французском госпитале. Он рас-

сказал, как его лошадь поскользнулась; он упал и на него, лежавшего, набросились со всех сторон боксеры. Он отбивался от них шашкой и выстрелами револьвера до тех пор, пока не подскочили на выручку казаки, сотник Семенов и Нечволодов. Благодаря чистому воздуху и сухому климату Тяньцзина его 14 ран быстро заживают. Раненные с ним два казака также поправляются. Даже удивительный отрубленный нос у вахмистра взвода прирос и заживает.

25 мая

Русская колония в Тяньцзине насчитывает в настоящее время всего шесть семейств. Семейные: консул Шуйский, полковник Воронов, коммерсант Батуев, секретарь консульства Поппе, начальник почтовой конторы Левицкий, коммерсант Платунов. Семейство полковника Вогака не живет в Тяньцзине. Холостая молодежь: штабс-капитан Нечволодов, поручик Блонский, доверенный отделения Русско-Китайского банка Садовников, преподаватель Русско-Китайской школы Любомудров и служащие у г. Батуева и Старцева, находившегося в имении на своем острове Путятина. Кроме того, в распоряжении полковника Воронова находились два бравых гусара, красные мундиры и победоносный вид которых производили ошеломляющее впечатление на китайцев и даже на европейцев Тяньцзина.

Временно находился инженер Карпов, занятый отправлением рабочих-китайцев на постройку Маньчжурской железной дороги. Им уже отправлено 80 тысяч человек.

Всего в русской колонии живет 7 женщин и около 25 мужчин.

18 мая в Тяньцзине поселены 25 казаков с сотником Семеновым. Ночью они охраняют русское консульство, русскую почтовую контору и дома Батуева.

Известный в Китае коммерсант Батуев, представитель чайной фирмы «Молчанов и Печатнов», занят приемом чаев, приходящих на пароходах в Тяньцзин из Ханькоу, и отправлением их на верблюдах сухим путем, через Кяхту, в Россию. Кроме того, в компании с иностранцами он ведет большое дело по продаже тибетских и китайских мехов. Он живет с семьей в своем пышном доме, с роскошной обстановкой, садом, флигелями и пр.

Самая многочисленная колония — английская, потом по численности следуют: германская, бельгийская, французская и др. Итальянец один. Он по профессии парикмахер; держит свой салон на берегу реки Пэйхо и имеет полное право гордиться, что итальянский десант прибыл для его охраны. Всего в Тяньцзине около 200 дам и девиц и 2000 мужчин-европейцев. Китайское население города доходит до миллиона.

Живут иностранцы скучно и однообразно, трудолюбиво работают днем, отдыхают вечером и строго придерживаются правильного образа жизни, установленного англичанами.

Англичане, американцы, немцы, бельгийцы, французы, а за ними и русские — обыкновенно встают в 7 часов утра и, освежившись хорошим душем после хорошего кутежа накануне, выпив стакан крепкого цейлонского чаю и закусив овсянкой, яичницей и бифштексом, уже с 8 часов утра начинают наполнять свои офисы — конторы.

Работают методично, молча, спокойно, усидчиво и делают свои дела — business — быстро и аккуратно.

В 12 часов европейцы закрывают офисы и едут на рикшах или велосипедах в Тяньцзинский клуб, где видятся друг с другом, читают телеграммы и газеты, обмениваются новостями. По умному почину англичан, подобные международные клубы учреждены во всех главных портовых городах Китая. Кореи и Японии и являются центральным

местом, сближающим и объединяющим разноязычное общество колонии. Туземцы — китайцы, корейцы и японцы, а также half-cast, полукастовые, т. е. люди смешанной расы, в клуб не допускаются. Его благородными членами могут быть только белые. Делами клуба заведует выборная комиссия из представителей разных национальностей. В клубе имеется буфет, бильярд, кегельбан, библиотека и читальня с множеством газет. Прислуга в клубе китайская. Все члены избираются и пользуются правом рекомендации гостей, причем обращается страшное внимание на общественный ранг данного лица. И только военные всех наций считаются постоянными гостями подобных клубов.

В 4 часа обыкновенно бизнесы в офисах заканчиваются и на велосипедах или верхом европейцы едут за город на рекреационный плац играть в теннис, где они встречаются с дамами.

С 4 до 6 часов дня в русской колонии пьют чай, и в это время можно застать хозяйку дома. Гостеприимством и открытыми приемами отличаются только русские. Иностранцы принимают у себя очень редко, только на званые обеды. Знакомство поддерживается исключительно визитами и игрою в теннис. У семейных иностранцев совершенно не принято бывать запросто. Я объясняю это малочисленностью дам и девиц, оберегаемых тяньцзинскими джентльменами с удивительной ревностью, что, по слухам, не мешает грандиозному распространению в обществе флирта.

Этот преувеличенно строгий этикет, замкнутость, общественные клеточки и невозможность поддерживать простые неофициальные сношения, при малочисленности дамского общества, делают жизнь в Тяньцзине очень скучной, однообразной и натянутой. Единственными развлечениями являются: спорт, скачки, изредка любительские спектакли, концерты и кутежи.

В 8 часов европейцы обедают и вечером уже никакими делами не занимаются. После обеда молодежь и холостежь идет в клуб или гостиницы играть на бильярде, в карты или совещаться с Бахусом и Гамбринусом, причем эти совещания носят хотя и интимный, но обыкновенно весьма бурный характер.

Спорт процветает в Тяньцзине в разных формах, из которых три важнейшие: спорт тенниса, спорт костюмов и спорт виски.

Лаун-теннисом увлекаются все: дети, молодежь, взрослые, старики и старушки. С ракетками в руках они бегают с утра и играют до тех пор, пока не стемнеет. Играют серьезно, степенно, с важностью и достоинством выкрикивая по-английски: «Play! Your game!» Умение играть в теннис считается признаком хорошего тона. и не играющий в эту новейшую метательную игру показался бы в глазах здешнего общества оригиналом и человеком неблагонадежным, потому что ежедневно играть в теннис так же обязательно, как и ежедневно обедать. Играть в теннис так же необходимо, как и соблюдать требования приличий и моды.

Поэтому второй спорт — это спорт костюмов. Не столько дамы, которые по большей части одеваются просто, сообразно сезону, сколько джентльмены Дальнего Востока много теряют времени для своего туалета. Они строжайше наблюдают не только сезон, но и время дня и назначение костюма, и создали целую систему одевания.

Тяньцзинские сэры аккуратно переодеваются по нескольку раз в день и внимательно следят за всеми подробностями и тонкостями туалета. Летом тропический шлем должен непременно быть одного цвета и стиля с тончайшим тропическим костюмом и легчайшими башмаками. Было бы грубым нарушением вкуса и этикета, если бы, например, галстук не гармонировал по своему тону и фасону

с поясом и носками. Никогда ни один тяньцзинский милорд или мистер, дорожащий своим достоинством и репутацией, не явится на «recreation-ground», где играют в теннис, в другом костюме, нежели в спортсменском, и никогда он не сделает такой непростительной ошибки, чтобы перепутать костюмы и пожаловать на обед с одними мужчинами во фраке, а на обед с дамами в смокинге — а не наоборот.

— Как вы одеты! — сказал мне однажды с негодованием один тяньцзинский коммерсант. — Вы совершенно не обращаете внимания на погоду: разве можно надевать такой светлый галстук, при таком пасмурном небе?

Третий спорт состоит в неимоверном уничтожении виски. По примеру англичан и американцев, виски пьется с какой-нибудь содовой, преимущественно японской водой: Tansan, Hirano, Apollinaris или Aquarius. Нет часа дня или ночи, когда благородный член международного клуба не потребовал бы «whisky and soda». Как полезно и приятно освежиться стаканом виски-сода утром, со сна, после мрачно и мятежно проведенной ночи! Во время занятий бизнесами в офисах виски-сода проясняет и бодрит мысль и содействует пониманию самых запутанных коммерческих счетов и операций. В клубе джентльмены обмениваются новостями между стаканами сода-виски. Виски-сода облегчает и освежает тело, изнемогающее от тропической жары. Окончив партию тенниса, спортсмен обязан выпить бокал этого модного нектара, иначе он не спортсмен. Если вы сделаете визит вашим знакомым, вас прежде всего спросят не о погоде, а предложат вам: не хотите ли сода-виски? Когда поздно вечером в хорошей компании выпиты уже все сорта вина и ликеров, опорожнены все бутылки, больше уже нечего пить и мысли плавают в тумане, — самое лучшее — выпить виски-сода. Это сейчас же протрезвит голову и рассеет самый непроницаемый туман.

— Что может быть лучше виски-сода? — спросили однажды одного члена тяньцзинского клуба.

— Ничто, кроме виски без соды! — ответил он не задумываясь. И тот, кто не пьет сода-виски, не может быть джентльменом.

Некоторые русские на Востоке усердно следуют этикете и режиму, установленному англичанами, и до того англоманствуют, что истинное джентльменство и свою цивилизаторскую миссию на Востоке видят только в том, чтобы говорить по-английски, читать лондонский «Таймс», играть в теннис, носить английские шлемы, черные чулки и белые башмаки, выпивать ежедневно бутылку виски и презирать китайцев.

Консул Шуйский чувствовал себя на другой день гораздо лучше и мог принять меня в своем кабинете, окруженный русскими и китайскими книгами и рукописями.

Я был весьма заинтересован беседой с известным синологом, много лет прожившим в Китае и считающимся редким знатоком языка и истории китайцев.

Почтенный консул выглядел очень болезненным и сидел в своем кресле с печальным видом жертвы, обреченной на интервью с неотвязчивым корреспондентом.

— Позвольте мне узнать просвещенное мнение синолога о совершающихся ныне событиях, — спросил я.

— О нынешних событиях очень трудно сказать что-нибудь положительное. Подобные беспорядки бывают в Китае ежегодно. А секта боксеров, хотя и под другими названиями, существует в Китае давно.

— Не представляют ли нынешние беспорядки исключительного явления, весьма острого и опасного для иностранцев и для общего спокойствия страны?

— Это покажет будущее.

— Какие могут быть последствия этого восстания боксеров?

— Этого никто не может знать.

— Я желаю проехать в китайские кварталы Тяньцзина и посмотреть на настроение народа. Вы ничего не будете иметь против?

— Я этого никоим образом не могу допустить. Это очень опасно. Толпа разъярена против иностранцев. Вас оскорбят или убьют, что может вызвать целый политический инцидент и неприятную дипломатическую переписку.

— Благодарю вас за предупреждение и постараюсь не вызывать дипломатической переписки. Я хотел бы узнать, какую действительную роль играет пекинское правительство в совершающихся событиях?

— Это знают только китайские министры.

— Правда ли, что вдовствующая императрица покровительствует боксерам?

— Мне это официально не известно.

— Правда ли, что Японии принадлежит двусмысленная роль в отношении Китая и она тайно поддерживает боксеров, с тем чтобы разжечь восстание в огромный пожар, который она потом будет сама же заливать и за пролитую ею воду возьмет хороший кусок Китайской суши?

— Я никак не могу знать, чего желает Япония.

— Примкнут ли китайские войска к боксерам или нет?

— Это тоже покажет будущее. Все, что я вам мог сказать по этому вопросу, я уже сказал.

Поблагодарив за эти интересные и редкие сведения, я отправился к генералу Гу, бывшему китайскому инспектору порт-артурского порта. После занятия Квантуна русскими эта единственная китайская официальная должность наблюдательного характера была сохранена нами в Порт-Артуре. Когда Гу должен был покинуть Артур вследствие своей серьезной болезни — паралича тела, эта должность более уже никем не занималась и после военных событий была совсем упразднена.

У КИТАЙСКОГО ГЕНЕРАЛА ГУ

Вместе с преподавателем Русско-Китайского училища в Тяньцзине китайцем Лиу, известным более как Леонид Иванович, мы на рикшах приехали к сановнику третьего класса Гу, жившему около английской концессии в китайском доме.

Мы вошли в комнату с маленькими стеклянными окнами, обвешанную китайскими картинами и изречениями. Пол-комнаты было занято постелью под балдахином, разрисованным цветами. Поддерживаемый прислугою вошел Гу. Он был очень болен, слаб и усиленно курил трубку. Мы уселись вокруг круглого столика на круглых стульях с резными спинками. Мы заговорили по-китайски. Гу сейчас же спросил:

— Как здоровье и как дела А-цзянцзюнь (адмирала Алексева)?

Я сообщил и спросил:

— Как здоровье великого господина Гу?

— Очень плохо, очень плохо. Тело разбито. Живот не хорош. Голова болит. Сил нет. Едва хожу. В Лиушуньюкоу спокойно?

— В Порт-Артуре совершенно спокойно.

— Пока у вас будет добрый и мудрый цзянцзюнь Алексеев, у вас всегда будет спокойно. Он соблюдает справедливость и одинаково относится и к русским, и к китайцам. Это самое главное. В его области будет всегда спокойно. Мы, китайцы, выше всего ценим справедливость и человеколюбие, и всегда уважаем справедливых и человеколюбивых

людей и начальников, к какому бы народу они ни принадлежали. Ваш цзянцзюнь Алексеев мудр, как Ли Хунчжан. Но только у вас много таких хороших чиновников, а у нас очень мало. Оттуда и происходят все наши несчастья.

— Позвольте вас спросить: почему восстание боксеров приняло такие громадные размеры? Неужели его поддерживает китайское правительство?

Потухшие глаза старого курильщика неожиданно загорелись блеском негодования:

— Я думаю, что там в Пекине они все сошли с ума. Они хотят погубить Китай. Дуань-ван-е — князь Туан и его приспешники управляют теперь государственными делами, но они в них ничего не понимают, и они доведут нас до войны с иностранцами. Как и сорок лет назад, Пекин будет осажден, наши войска разбегутся, дворцы будут разрушены, а бедный народ и купцы заплатят невероятную контрибуцию, за трусость войск и глупые головы чиновников. Если бы у нас все министры и губернаторы были так умны, как Ли Хунчжан, Юань Шикай или ваши Алексеев и Суботич, который тоже был хороший цзянцзюнь и всегда был справедлив к китайцам, то у нас никогда бы не было ихэтуань — боксеров. Ведь у Юань Шикая на Шаньдуне их нет: он их всех разогнал и в его провинции все будет спокойно, потому что он понимает дела. Пейте чай, прошу! Цин, цин!

Прислуга устала стол печеньями, сладостями, засахаренными фруктами и ежеминутно наливала гостям светло-зеленый душистый чай в крохотные чашечки. Почтенный Гу продолжал:

— Хотя я сам мандарин, но должен сказать, что китайцы хорошие купцы, но плохие чиновники. А об иностранных делах они не имеют никакого представления. Если бы наши чиновники были умны, то они скорее уничтожили бы всех этих разбойников, но не позволили бы им трогать иностранцев, потому что за одного тронутого

иностранца потом платятся сто невинных китайцев, если не больше. Боксеры-ихэтуань — это наше истинное несчастье. Говоря, что они избранники и посланники неба, они толпами врываются в деревни и города, требуют, чтобы их кормили, берут лошадей, одежду и только грабят народ. Они хотят уничтожить китайцев-христиан и выжигают целые деревни. Они кровожадны, как волки и барсы, но и, как дикие звери, дальше своих лесов и гор они ничего не знают. Они воображают, что их боксерские заклинания и ладанки сильнее заморских пушек и ружей, которых они не боятся. Эти безумцы убеждены, что они бессмертны, и хотят драться с иностранцами. Посмотрим, что они скажут, когда столкнутся с иностранными солдатами, которых они никогда не видали, или с иностранными пушками, выстрела которых они тоже никогда не слышали. Наш глупый невежественный народ, часто никогда не видевший ни одного иностранца, вместо того чтобы прогнать всех этих разбойников, верит всем их рассказам и слепо идет за ними.

— А наши министры, — заговорил Гу с отчаянием, — и князь Дуань воспользовались невежеством народа и этими смутами, чтобы захватить в свои руки власть, и объявили себя друзьями ихэтуань — союза боксеров. Делами теперь управляет уже не богдыхан, а князь Дуань и старая государыня. Они воображают, что, купив у германцев новые пушки и ружья, они стали всеильны и могут одержать победу над иностранными войсками. Они верят, что этой победой они привлекут благодарность и любовь народа, который они только еще более разорят этой бессмысленной войной, но никак не облагодетельствуют. Они не хотят признать, что давать нашим трусливым войскам новые пушки так же бесполезно, как и надевать на зайца медную кольчугу, потому что, увидав льва, заяц убежит вместе с кольчугой. Я боюсь, что это новое восстание принесет Ки-

таю страшное несчастье, от которого более всего пострадают самые неповинные в нем: купцы и горожане.

Почтенный старик закашлялся. Мы встали и начали прощаться, выражая лучшие пожелания его здоровью.

— Извините, что мое больное тело не позволяет мне проводить вас до ворот дома, — были последние слова генерала Гу.

Рикши быстро повезли меня и Леонида Ивановича в Русско-китайское училище, которое находилось вне иностранных концессий, по ту сторону городского вала.

Мы проехали старые городские ворота, с зубчатым верхом и тяжелыми дубовыми дверями, обитыми железом. Объявления китайских властей были расклеены по стенам. В воротах стояли китайские полицейские с палками.

В РУССКО-КИТАЙСКОМ УЧИЛИЩЕ

Училище основано в 1896 г. трудами и заботливостью бывшего секретаря русского консульства в Тяньцзине, ныне консула в Инкоу Виктора Федоровича Гроссе, воспитанника Восточного факультета Петербургского университета, прекрасного китаиста, бывшего первым учителем созданной им русской школы — первой в Китае. При содействии князя Э. Э. Ухтомского, командированного в то время в Пекин по Высочайшему повелению¹, китайское правительство отнеслось с полным сочувствием к учреждению русско-китайской школы и дало для этой цели средства и дома. Во главе училища назначен китаец-директор тяньцзинской таможни, которому принадлежит общее руководство. Кроме того, назначены: китаец-инспектор и учителя китайского языка и русские учителя. Все расходы по содержанию штата китайское правительство взяло на себя: 700 лан, или около 1000 руб. в месяц.

Гроссе так серьезно и умело повел дело преподавания, что школа стала скоро пользоваться популярностью среди китайцев и комплект учеников — 30 человек был в ней всегда полон.

Мы навестили нового преподавателя училища г. Любомудрова, который любезно стал показывать учебное заведение.

¹ Эспер Эсперович Ухтомский в 1897 г. был назначен директором Русско-китайского банка и возглавил правление КВЖД.

По примеру других китайских зданий, училище занимает несколько квадратных мощеных дворов, обнесенных комнатами, в которых живут ученики и учителя, классами, столовой, кухней и галереей. Русский учитель г. Любомудров живет анахоретом в двух комнатах, заваленных книгами и убранных китайскими иероглифами и картинами. Вход завешен циновкой. Русский учитель, кроме квартиры с освещением и всеми услугами, получает 200 лан — 300 рублей в месяц. Навестив инспектора училища, старого ученого китайца с большими очками, мы осмотрели классы, которые помещались в просторных светлых комнатах. Доски, черные китайские столики и табуреты для учеников были расставлены в порядке. На стенах висели географические карты и картины из русской истории. Во всех помещениях поддерживалась строгая чистота, порядок и исправность. В школе преподавали: китайский язык, русский язык, арифметику, географию и русскую историю.

— Как ученики проходят русскую историю? — полюбопытствовал я.

— Китайцы вообще любят изучать историю, — ответил Лиу. — А наши ученики прямо увлекаются русской историей, потому что она иногда напоминает им их родную историю. У нас был один ученик Лиу Ши Чжэн, хорошо говоривший по-русски, который до того почитал великого князя Ярослава за его мудрость и справедливость, что просил окрестить его самого Ярославом Ивановичем, и так его зовут теперь русские. А пред Петром Великим наши ученики благоговеют и мечтают о том времени, когда в Китае родится такой же великий император.

Мы прошли в маленькие комнатки, в которых жили ученики, от 14 до 26 лет, по два человека в каждой. Каменные лежанки, крытые циновками, столики с русскими и китайскими книжками, скамейки и изречения на стенах были скромным убранством комнат. Ученики в тоненьких шел-

ковых халатах, напоминающих наши подрясники, почтительно стояли у своих столиков. Я попросил одного из них показать тетради. С особенной вежливостью он развернул предо мной тетрадь, в которой я увидел четко и старательно написанные русские фразы.

По всему было видно, что труды Гроссе не пропали даром.

— Как вас зовут? — спросил я.

Он ответил отчетливо по-русски, старательно выговаривая все слоги, что его зовут Лиу Шимин; что у него есть брат Ярослав Иванович, который тоже учился в этом училище, а теперь находится в Порт-Артуре; что ему 18 лет, а его отцу 54; его отец бывший китайский офицер; большинство родителей учеников — богатые купцы или чиновники; он мечтает по окончании училища уехать в Россию.

— Все наши ученики мечтают о поездке в Россию, — заметил учитель Лиу.

— Довольны вы вашими учениками? — спросил я Любомудрова.

— Очень. Ими нельзя не быть довольным. Это серьезный, трудолюбивый и воспитанный народ. Они учатся весь день, учатся спокойно, старательно. Их поведение безукоризненно. Никакие шалости и озорнические проделки, которыми так любят хвастать европейские мальчики, им не известны. К учителям они относятся, в силу традиции, с тем уважением и безусловным доверием, которых я никогда не встречал в России. А между тем все они еще в отроческом возрасте. По случаю боксерских беспорядков мы распустили большую часть учеников. Здесь остались только те, кто еще не успел уехать или кому ехать очень далеко.

— А как они относятся к боксерам?

— Они их очень боятся, так как боксеры объявили смерть всякому, кто имел дело с иностранцами. Мое поло-

жение здесь вне концессий тоже очень опасное, и поэтому я на ночь переезжаю в гостиницу Astor-House.

— Ты любишь ихэтуань? — спросил я одного мальчика.

Он улыбнулся и ответил:

— Нет, я не люблю боксеров. Они нехорошие люди. Они убивают людей и жгут дома. Я их очень боюсь и тоже уеду из Тяньцзина.

Когда мы окончили осмотр училища, Лиу обратился к Любомудрову и ко мне со словами:

— Господа, поедemте теперь в китайский ресторан «Лучезарный Терем», пообедаем и выпьем доброго вина, пока на нас еще не нападают боксеры. Потом, вероятно, нам всем будет некогда.

Я простился с почтенным инспектором-китайцем и крепко пожал руки этим славным воспитанным и серьезным мальчикам, которые рисковали жизнью, изучая язык дружественного им народа, может быть, единственного государства, которое может стать действительным и вековым другом китайцев.

Может быть, через несколько лет эти узкоглазые и косатые юноши, с заложенными в них семенами благоговения и привязанности к России, изучив ее язык, историю и быт, будут деятельно служить великому делу дружбы и тесных мирных сношений между двумя соседями — великанами Азии, но теперь они дрожали за свою участь, так как изучали язык чужого государства. Все же иностранное осуждено и заклеено ихэтуанцами, ослепленными патриотами, ведущими свою родину к гибели. Какая горькая ирония истории!

Ровно через неделю боксеры ночью напали на училище, разорили и сожгли все учебные здания дотла. Говорили, что под развалинами погибло несколько учеников, которые не успели спастись. Любомудров, Леонид Иванович и китайские учителя заблаговременно покинули училище.

Когда мы проезжали мимо городских ворот, в глаза бросилось свеженаклеенное объявление на китайском языке. Составленное в стихах объявление гласило:

«Наш император наконец становится могущественным. Предводитель ихэтуанцов царского рода. В три месяца все иностранцы будут убиты или изгнаны из Китая.

В сорок лет империя стала полна чужеземцев. Они разделили нашу землю. С тех пор как газета „Говэньбао“ принадлежит японцам, она говорит об ихэтуанцах один вздор. Мы предупреждаем ее владельцев, чтобы они более не говорили вздора. Если они будут продолжать, то их дом будет разрушен. Братья не должны бояться. На севере десять раз десять тысяч.

Когда иностранцы будут прогнаны вон, тогда мы вернемся на холмы».

На объявлении было приписано: *«Пусть прохожие следят за тем, чтобы иностранцы не сорвали объявления».* Возле стояли китайские полицейские и с почтением взирали на прокламацию боксеров.

Лиу смотрел и только посмеивался.

В «ЛУЧЕЗАРНОМ ТЕРЕМЕ»

«Лучезарный Терем», к которому нас подвезли рикши, находился в темном переулке, в самом начале китайского квартала. Он имел темный, грязный и неряшливый вид и был расположен в двух этажах китайского дома: внизу бакалейная и виноторговля для европейцев попросту, матросов и солдат, наверху ресторан с смешанной европейско-китайской кухней.

Мы поднялись наверх и заняли отдельный кабинет. По стенам висели китайские картины, рисованные по стеклу и изображавшие не только идиллические домики с прекрасными китаянками, но и китайские военные крейсера, под которыми лиловая вода клубилась барашками. Комнату украшали полинявшие зеркала и китайские искусственные цветы, яркие и пестрые. Подали китайские сласти, европейский обед и французское шампанское шанхайского происхождения.

Леонид Иванович Лиу, умный, дельный и предприимчивый китаец, еще в Пекине хорошо изучивший китайский и русский языки, был переводчиком при ямыне Чжилийского вице-короля и преподавателем русского училища. За свои заслуги, несмотря на молодые годы, он был награжден синим шариком четвертой степени¹. Он любил Россию и русских и искал друзей среди русских. Над боксерами он смеялся. Избалованный служебными успехами, он несколько иронически смотрел на окружающее:

¹ Соответствие — капитан, майор (командир батальона).

— От наших сумашедших боксеров никакого толку не будет. Они только причинят нам множество неприятностей. Это дикий невежественный народ, который верит, что достаточно проглотить чернослив, чтобы утратить вражеское войско, и поест черного гороху, чтобы взять неприятельскую крепость. Но некоторые наши министры не лучше боксеров, так как, подобно им, они ничего не понимают в иностранных делах. Я совершенно не могу себе объяснить, на что они рассчитывают. Ведь не на наши войска, от которых так же мало пользы, как и от самих мандаринов, и которые не умеют стрелять и только потому носят ружья, что не умеют заняться другим более полезным и почтенным делом.

— Неужели у вас нет хороших регулярных войск?

— Хорошо дисциплинированные войска есть у генералов — Не, Сун и Ма, но только их очень мало. Больше войска на бумаге. Очень хорошие обученные войска в Маньчжурии и у Юань Шикая, но он их сюда не пришлет, так как ему нужно охранять Шаньдун от германцев, с которыми труднее справиться, чем с боксерами. Поэтому боксеров он сплавил сюда, а себе развязал руки¹. Немцы, может быть, и хотят что-нибудь еще оторвать на Шаньдуне, как они оторвали Цзяочжоу, да только не могут найти повода, чтобы придрататься, так как Юань Шикай очень умен и осторожен. Это наш второй Ли Хунчжан.

— Инструктора принесли вам какую-нибудь пользу?

— Я думаю — никакой. Они устраивали парады с нашими войсками, получали большое жалование, больше им ничего не было нужно. Наши солдаты очень довольны, что научились маршировать по-иностранному. Если им при-

¹ Юань Шикай крайне жестко подавлял любые выступления ихэтуаней в Шаньдуне, в начале 1900 г. им были публично расстреляны несколько лидеров тайных обществ. К концу марта ихэтуани в Шаньдуне практически не проявляли активности.

кажут драться с боксерами, они будут драться. Если прикажут стрелять в иностранцев, они будут стрелять в иностранцев. Им это совершенно все равно. Но если где будет возможно пограбить, там они всегда будут заодно с боксерами.

— Как теперь народ относится к боксерам? — продолжал Лиу. — Глупый невежественный народ, который знает об иностранцах только понаслышке или по миссионерам, переодетым в китайское платье, верит, что боксеры — посланники неба и избавители от иностранных дьяволов. Поэтому они наобум идут за боксерами, так как ничего не понимают. Горожане и купцы, которые постоянно имеют дела с иностранцами, вовсе не на стороне боксеров. Они знают, какие бедствия будут причинены боксерами, но они ничего не могут поделать. Многие из них уже теперь уезжают из Тяньцзина в более отдаленные и спокойные места.

Бой разлил в бокалы легкое шампанское вино, которое китайцы пьют не менее охотно, чем европейцы, и так же хорошо различают его марки.

— Расскажите, Леонид Иванович, все, что вы знаете о боксерах. А главное, пейте больше. Хорошее вино связывает друзей и развязывает язык.

— А по-моему, оно до того завязывает язык, что потом друзья даже не в состоянии объясниться друг с другом и говорят такие слова, которых нет ни в одном китайском словаре, — сказал Леонид Иванович и, сняв с себя верхнюю шелковую кофту, так как становилось очень жарко, с удовольствием хлебнул прохладной сладкой влаги и начал:

— Боксеры давно существуют в Китае, около ста лет, образуя разные тайные и явные общества, под разными названиями. Самым древним было общество «Белого лотоса» — «Бай лян цзяо», которое произвело возмущение против правительства при императоре Цзяцин (1796–1820), грабило и разоряло Южный Китай. Беспорядки,

смуты и разбои были тогда такие же, как и теперь. Император послал свои войска и рассеял общество «Белого лотоса». Члены его разбежались по всему Китаю и повсюду проповедовали свое тайное учение против воцарившейся новой Маньчжурской династии Цинов, для восстановления бывшей Китайской династии Минов. Поэтому их девизом было: «Фу мин фань цин» — «Восстановить Минов, ниспровергнуть Цинов». Но кроме политики, они стали заниматься еще мистикой и разными волшебствами, чудесами и гаданиями, в которые очень верит простой глупый народ. Заодно с боксерами стали действовать буддийские и даосские монахи и монахини и объявили эти тайные общества под охраною Будды и других святых. Так как взрослый не станет заниматься всеми этими глупостями, то вожаки и монахи стали набирать мальчиков и девочек, которых обучали своим тайнам и готовили из них боксеров-кулачников. Для того чтобы эти дети и юноши сделались здоровыми и сильными людьми и могли, когда нужно, сражаться, то мальчиков и даже девочек обучают гимнастике, умению владеть мечом и приучают их к выносливости и голоду. Когда иностранцы, особенно миссионеры, стали слишком обижать китайцев, надоедать и причинять нам разные неприятности, отбирать наши земли и за каждый пустяк грозить нам войною, тогда тайные общества направили свою деятельность не против маньчжурского правительства, а против всех иностранцев, и вместо прежнего девиза «Восстановить Минов и ниспровергнуть Цинов» провозгласили другой: «Бао цин мей ян» — «Охранять Цинов и уничтожать заморских». Боксерам еще более стали помогать буддийские жрецы, так как распространение христианства в Китае стало угрожать их вере и им самим. Появилось общество «Красного фонаря» — «Хун Дэн Чжао», в котором монахини развивали девочек посредством чудесной гимнастики даосов и учили их созерцанию,

самоуглублению и самоусыплению. Во сне и в бесчувствии девочки говорили пророчества, которых никто не понимал. Возникли общества «Большого ножа» («Да дао»), «Глиняного горшка» («Ша го»), «Охраны государства» («Бао го»), и «Уничтожения дьяволов» («Ша гуй»). Наконец появилось самое могущественное общество «Большого кулака» («Да цюань»), которое потом стало называться «Кулаком правды и согласия» («И хэ цюань»).

— В нынешнем году оно получило название «И хэ туань» («Дружина правды и согласия»). Главная дружина боксеров находилась в Шаньдуне и называлась «Шаньдун цзун туань». У нас еще раньше бывали в деревнях добровольные дружины поселян «Туаньянь», которые занимались военными упражнениями, охраняли свои дома — фанзы от разбойников и если было нужно, то поступали в войска и шли на войну. Теперь все эти дружины поступают в ряды «Ихэтуань» и объявляют поход против всех иностранцев, к сожалению, — и против русских. Но ведь наш глупый народ не разбирает. Он знает только, что это «Вайго жень» («иностранец»), которого надо убивать. «Мей ян» («Гибель заморским»)! От этого ужасного клича гибнут не только иностранцы, но и китайские купцы, — все, кто только торговал с иностранцами, или продавал иностранные товары, или имел какие-нибудь дела с заморскими. Гибнут тысячи китайцев-христиан, стариков, женщин и детей. Ужасные времена. Все дела, ремесла и торговля прекратились. Мы сами не знаем, что нам делать, как спастись от этих бедствий и чем все это кончится. Я более не решаюсь оставаться в Тяньцзине, так как боюсь, что боксеры не простят мне русского языка, и на днях уезжаю в более безопасное место. Хотя боксеры и называют себя «Дружиной правды и согласия», но это совершенная ложь: они сами совершают страшные несправедливости, убивая всех и каждого без разбора, и только вносят еще больший раздор и смуты

в наш народ. Поэтому я пью за то, чтобы правда и согласие всегда процветали между Китаем и Россией и чтобы эти два старых великих друга всегда помогали один другому в дни народных несчастий. Цин! Цин! Прошу!

— Цин! Цин!

Мы звонко чокнулись.

В ПЕКИНЕ

В начале мая, 6/19 числа, французский епископ Фавье, глава католической духовной миссии в Пекине, написал следующее историческое письмо французскому посланнику в Пекине Пишону:

*«Апостольский викариат
в Пекине и Северном Чжили.
Пекин, 19 мая 1900*

Г. Министр.

Со дня на день положение становится более тяжелым и угрожающим. В округе Баодинфу было убито более 70 христиан, из которых три новообращенных разрезаны в куски.

Много деревень разграблено и сожжено. Еще большее число других деревень совершенно покинуто жителями. Более 2000 бежавших христиан осталось без хлеба, одежды и крова. В одном Пекине около 400 беглецов, мужчин, женщин и детей, разместилось у нас и у монахинь. Менее чем через неделю у нас их, вероятно, соберется несколько тысяч. Мы будем принуждены очистить школы, коллегии и госпитали, чтобы дать место несчастным.

В восточной стороне огромные грабежи и пожары. Каждый час мы получаем самые потрясающие известия. Пекин осажден со всех сторон. Боксеры каждый день приближаются к столице, и они задержаны только теми разрушениями, которые они по пути делают христианам. Верьте мне, прошу вас, г. министр, я хорошо осведомлен и не говорю легкомысленно. Религиозное преследование — это только

завеса. Главная цель — уничтожение иностранцев, цель, которая ясно указана и написана на знаменах боксеров. Их союзники ждут их в Пекине. Сперва начнут нападать на церкви, а кончат нападениями на посольства. Для нас, живущих здесь, в Бэйтане, даже назначен день. Весь город это знает, все об этом говорят, и возбуждение народа явное. Вчера вечером еще 43 несчастных женщины, вместе с детьми, спасаясь от зверств, прибежали к монахиням. Их провожало более 500 человек, которые говорили, что если им удалось ускользнуть на этот раз, то скоро расправа будет произведена с другими.

Я не говорю вам, г. министр, о тех бесчисленных объявлениях, которые расклеены по городу против европейцев. Ежедневно появляются новые объявления, все более ясные.

Лица, которые были свидетелями, 30 лет тому назад, тяньцзинских убийств, поражены сходством положения того времени с нынешним. Те же объявления, те же угрозы, те же предупреждения и то же ослепление. Тогда так же, как и теперь, миссионеры писали и умоляли, предвидя страшное пробуждение народа.

При таких обстоятельствах, г. министр, я считаю своим долгом просить вас прислать к нам, по крайней мере в Бэйтан, 40 или 50 матросов, для охраны нас и нашего имущества, так делалось даже при обстоятельствах, гораздо менее критических, и я надеюсь, что вы примете к размышлению мою покорнейшую просьбу».

Английский посланник в Пекине сэр Клод Макдональд держался другого взгляда на события и через два дня, 21 мая¹, писал Лорду Солсбери в Лондон:

«Что касается моего собственного взгляда на опасность, которой подвержены европейцы в Пекине, то я со-

¹ 8 мая старого стиля.

знаюсь, что до моего сведения дошло мало фактов, которые могли бы подтвердить боязливые опасения французского отца. Поведение жителей в городе продолжает быть спокойным и вежливым в отношении иностранцев.

Я убежден, что несколько дней сильного дождя, который прекратит эту давно продолжающуюся засуху, принесут больше пользы для восстановления спокойствия, чем все меры, которые могли бы быть приняты китайским и иностранными правительствами».

На другой же день, после того как была отправлена эта успокоительная депеша британского посланника, боксеры напали на английскую духовную миссию у железнодорожной станции Ланфан, на полпути между Пекином и Тяньцзинем. Они замучили миссионера Робинсона, друга первого мученика боксерского восстания Брукса, и захватили его товарища Нормана. Бежавший китаец-христианин рассказывал, что эти оба миссионера знали об опасности, которая им угрожала, и имели время спастись, но они предпочли погибнуть среди китайцев, обращенных ими ко Христу, нежели бросить свою паству в минуту испытания. В схватке с боксерами пять христиан было убито, а Норман ранен. Некий Ли, который уже был однажды наказан за преследование христиан и ненависть к иностранцам, чтобы отомстить за смерть своего любимого сына, убитого при нападении боксеров на христиан, попросил отдать ему Нормана и убил его собственными руками. Так оба англичанина-миссионера погибли сподвижниками.

Узнав о происшедшем и полагая, что Норман еще жив, британский посланник потребовал у Цзунлиямыня немедленного освобождения английского миссионера, но ямынь отнесся к его требованию с полным безучастием и равнодушием. Тогда посланник Макдональд имел свидание с принцем Цином, который выразил свое край-

нее сожаление о происшедшем и о том, что китайское правительство совершенно не подготовлено к борьбе с боксерским движением, приобретающим все большую популярность среди народа, благодаря своему противно-иностранному характеру. Принц Цин признался, что он не может быть уверен в безопасности иностранцев не только в Пекине, но где бы то ни было в Китае, и был согласен, что неподготовленность правительства может повести к вмешательству держав. Хотя Тяньцзинь-Пекинская железная дорога охраняется 6 тысячами императорских войск, однако Цин сомневается, чтобы солдаты стали стрелять в боксеров, для охраны иностранцев, если даже им прикажут. Цин сожалеет, что вовремя не успел убедить двор в опасности, которая может быть навлечена подобным образом действий китайского правительства, но теперь он ничего не в состоянии сделать, так как вдовствующая императрица слушается дурных советов других лиц.

Через два дня, 24 мая (6 июня), в Пекине был издан следующий богдыханский указ:

«Западная вера возникла и распространилась по всему Китаю много лет тому назад, и те, кто ее распространяли, только учили народ добру. Новообращенные, находясь под кровом своей веры, никогда не причиняли беспокойств, и как обращенные, так и народ жили в мире друг с другом, идя каждый своей дорогой, без всякой помехи. В последние годы, когда число церквей по всей стране стало возрастать беспрестанно, так же как и число крещаемых, между христианами стали незаметно появляться люди с дурной волей, так что миссионерам было иногда трудно отличить среди обращенных дурного от хорошего. Пользуясь этим, дурные люди, под видом христиан, только обижали простой народ и изводили страну. Мы полагаем, что подоб-

ное положение дел не может соответствовать желаниям самих миссионеров.

Что касается „И-хэ-цюань“ — общества поборников правды и согласия, то оно было в первый раз воспрещено в царствование императора Цзя Цин. Однако, вследствие того, что позднее члены этого общества стали упражняться в целях самозащиты и охраны их домов и деревень от разбоев, и так как они стали удерживаться от смут, то мы не наложили воспрещения, как это было сделано раньше, но только делали неоднократные распоряжения местным властям держать крепкую узду над движениями общества.

Мы указывали подлежащим властям, что в настоящее время вопрос должен быть не в том, принадлежат ли данные люди к обществу или нет, а в том, какая цель у этих союзов, производить ли в стране беспорядки или нет. Если же все-таки подобные общества будут творить смуты и нарушать мир, то власти обязаны произвести строгое дознание над преступившими закон и наказать их по закону. К какому бы обществу они ни принадлежали, к обществу христиан или ихэтуань, трон будет относиться к ним без всякого различия, так как все они сыны одного и того же государства. Сверх того, когда возникали тяжбы между христианами и простым народом, мы всегда давали такие приказы властям, чтобы они решали дела по полной справедливости, не выказывая пристрастия ни одной стороне.

Однако, по-видимому, за последние годы наши приказы никогда не исполнялись. Чиновники различных областей, округов, уездов и волостей обнаружили, что они пренебрегали своими обязанностями. Они никогда не действовали в дружественном согласии с миссионерами: при их затруднениях сочувствовали народу и никогда не разрешали тяжбы в духе беспристрастия. Последствия сего не замедлили явиться. Те и другие начали ненавидеть друг друга, вражда

становилась все глубже и глубже, и случаи взаимных недоброжелательств учащались.

Ныне члены общества И-хэ-цюань стали соединяться в народные дружины и объявили войну против христиан. В то же время разные недовольные умы, соединясь с беззаконными разбойниками, примкнули к движению ради своекорыстных целей. Повсюду происходят мятежи, железные дороги разрушаются и церкви сжигаются.

Но ведь железные дороги построены правительством и составляют его собственность, в то время как церкви построены миссионерами и их последователями, для их собственного пользования.

Неужели ихэтуанцы и прочие полагают, что они могут безнаказанно разрушать и сжигать по своему желанию? Творя такой мятеж, они только противятся самому правительству. Это уже, действительно, неразумно.

Поэтому мы приказали великому советнику и помощнику пекинского градоначальника Чжао Сю Цяо отправиться вчера в качестве нашего императорского комиссара, восстановить мир и призвать народ и ихэтуанцев немедленно разойтись и вернуться каждому к своим занятиям и обычным делам.

В случае если изменники и бунтовщики будут пытаться подстрекать народ к восстанию, грабежу и разорению страны, мы приказываем, чтобы последователи „Кулака правды и согласия“ выдали властям главарей, для наказания их согласно законам страны. Если же некоторые будут настолько неблагомыслящи, что станут упорствовать в неповиновении нашим повелениям, то с ними будет поступлено как с бунтовщиками, и мы сим предупреждаем их, что когда придет великое войско, то их отцы, матери, жены и дети будут разлучены друг от друга и рассеяны, их жилища разрушены, а они сами убиты. Таким образом они сами навлекут на себя клеймо противозакония и измены

своей родине. Но тогда будет поздно раскаиваться. Наше сердце наполняется жалостью, когда мы думаем о том возмездии, которое поразит наш народ.

Поэтому мы сим объявляем, что если после этого предупреждения найдутся такие, которые откажутся повиноваться нашим повелениям, то мы немедленно дадим приказ главнокомандующему Жун Лу послать генералов Дун Фу Сяна, начальника Гансуского корпуса, Сун Цина и Ма Ю Куня, начальника Сычуаньского корпуса, с их войсками, наказать бунтовщиков и рассеять их.

Наконец, при отправлении войск, первой целью должна быть охрана народа, повинующегося закону. Однако теперь мы узнаем, что войска, посланные Чжилейскими местными властями, не только не оказывали этой охраны и не обуздывали дурных страстей, но, наоборот, сами были виноваты в разорении страны. Поэтому мы ныне приказываем Чжилейскому вице-королю Юй Лу тотчас же произвести дознание по этому делу, а также послать надежных чиновников для тайных дознаний. Если окажется, что эти военные власти действительно виновны в том, что потворствовали людям в их грабежах и разбоях, то таковые виновные чины должны быть немедленно казнены. Никакой снисходительности или милости не должно быть им оказано.

Пусть этот указ будет отпечатан на желтой бумаге и объявлен по всей стране, как предупреждение народу и войскам.

Пусть все знают наши повеления!»

Как должны были понять китайцы этот императорский указ, составленный настолько умно и дипломатично, что с формальной стороны он мог дать удовлетворение как боксерам, так и посланникам?

В указе прежде всего находится важное указание на то, что главною причиною народного возбуждения является

христианство. Все движение построено на том, что народ недоволен западною верою, миссионерами и их паствою. Указ говорит, что христианство — законная и давнишняя религия в Китае, которая учит своих последователей добру. И рядом сделан укор миссионерам в том, что они не умеют делать выбора между обращаемыми в христианство, среди которых многие только подрывают доброе имя западной веры. Общество И-хэ-цюань, которое за свои противодинастические стремления при императоре Цзя Цин было воспрещено, ныне официально признается этим указом под новым именем И-хэтуань, несмотря на то, что весь смысл и девиз этого общества — поход против иностранцев. При этом указ объявляет, что трон будет относиться как к христианам, так и к боксерам без всякого различия, двусмысленно приравнивая одних к другим.

По-видимому в то время китайское правительство, по крайней мере в лице сановников, захвативших в свои руки власть, уже решилось, если это будет необходимо, на войну с державами. В таком случае боксеры являлись для него самым ценным союзником, который мог бы дать сколько угодно кадров фанатически настроенного ополчения. Поэтому правительственный указ разрешает и даже поддерживает деятельность боксеров, как народных дружин для земской самообороны, но при этом он требует, чтобы боксеры не дрались с самими китайцами, не грабили своих деревень и не разоряли своей собственной страны.

Удивительно, что в это время, когда уже несколько иностранных миссионеров и строителей железной дороги, вместе с женщинами, погибло от рук боксеров, в указе говорится только о том, чтобы боксеры не нападали на китайцев-христиан, не разоряли церквей китайских христиан и не разрушали дорог китайского правительства.

Однако в указе ни прямо, ни косвенно нигде не выражено, чтобы боксеры не нападали на иностранцев. Там, где

предстоит война с иностранцами, китайцы должны забыть свои внутренние раздоры и распри и дружно сплотиться, чтобы общими силами ударить на общего внешнего ненавистного врага. Отныне народ, боксеры и войска должны действовать в полном согласии и единении, а не драться друг с другом. Этого согласия и объединения требует и самое название «Ихэтуань».

Отныне китайское правительство берет само в свои руки главное руководство народным движением, и оно будет строго карать всякого, кто станет действовать независимо от правительства и вносить какие-либо смуты внутрь народа. Всякие беспорядки, разбои и грабежи между китайцами воспрещаются. Но девиз боксеров, написанный на их знаменах: «Уничтожение иностранцев», не был воспрещен указом пекинского высшего правительства.

В конце указа помещено тяжкое обвинение против некоторых китайских войск Чжилийской провинции за учиненные ими грабежи. Это обвинение касается, без сомнения, войск генерала Не Шичена, разбившего боксеров и сжегшего несколько боксерских деревень и за это навлекшего на себя крайнее неудовольствие высших сфер Пекина.

«Китайцы! Сплотитесь дружно, прекратите распри и готовьтесь к войне с заморскими дьяволами!» — вот мысли, которые могли читать китайцы между строк дипломатического богдыханского указа.